

Фантастический роман

На 127-й странице

Павел Крапчилов

Часть **2**

18+

Павел Крапчитов
На 127-й странице. Часть 2
Серия «На 127-й
странице. Фантастический
авантюрный роман», книга 3

*<https://litres.ru/73886771>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Шесть самураев. Один револьвер. Ни единого промаха.

Он думал, что самое страшное позади: нападение на британское консульство, перестрелка, раненый друг. Но настоящий кошмар начинается, когда его молодая жена оказывается в луже крови, а в руках убийцы — его собственный револьвер.

С этого момента бывший лорд, а ныне беглец без прошлого, бросает вызов целому миру. Вместе с журналисткой, чье имя прогремело на всю Европу, он пересекает Индийский океан, сражается с пьяными шотландцами на палубе, бежит от суда в Сингапуре и попадает в ловушку на Цейлоне.

Здесь убивают не пулями — ядом, а враги прячутся под маской гостеприимства. Ему придётся вспомнить, зачем он вообще

оказался в этом мире, и ответить на главный вопрос: ради чего стоит жить, когда терять уже нечего?

Содержание

Глава 1. Ночной разговор	6
Глава 2. Двойная игра	30
Глава 3. Волшебные туфельки	40
Глава 4. Человек с подоконника	55
Глава 5. Пустая рука	79
Глава 6. Изумрудная гавань	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Павел Крапчитов

На 127-й странице. Часть 2

От автора: По моему фантастическому предположению параллельные миры отличаются друг от друга, как страницы книги. Чем дальше расположены друг от друга страницы, тем меньше общего в их содержании.

Роман «На 127-й странице» — художественное произведение. Все герои и события выдуманы, а возможные совпадения случайны и не намерены.

Глава 1. Ночной разговор

После «сеанса разоблачения» в капитанском салоне я переехал в каюту Веры. Ее кровать, казавшаяся большой для одной, для нас двоих была маловата. Вера чувствовала, что мне неудобно, и старалась отодвинуться на самый край постели. Она прижималась к стенке каюты, у которой стояла кровать, а я боялся, что холодное железо, лишь слегка прикрытое тканевыми обоями, вытянет из тела моего «солнышка» всё тепло. Я закрывал спину Веры одеялом, но поскольку одеяло было одно, то приходилось самому ближе придвигаться к Вере. Так и засыпали. Почти в обнимку.

Ночью я неожиданно проснулся. У Веры изменилось дыхание.

— Ты не спишь? — спросил я. — Ты разговаривал во сне. По-русски. — Понятно.

На Йокогаму налетел какой-то погодный циклон, и температура понизилась. Моя спина неприятно холодила. Я перевернулся на спину, чтобы согреться. Вера тут же воспользовалась этим. Ее головка устроилась у меня на груди, а ее дыхание стало еще ближе.

— Ты называл имена Анна и Мишутка. Это твои жена и сын?

Похожей ночью я обещал Вере рассказать про себя. Вера терпеливо принимала меня в роли Деклера и не задава-

ла никаких вопросов. Она ждала, а я тянул время. Что рассказать? Всё? Как она отнесётся к этому? Не сочтет ли сумасшедшим?

— Нет. Это моя дочь и внук.

— Ты так рано завел семью?

— Нет, — сказал я, но тут же добавил: — Вообще-то да, но не в этом дело.

Я так и не знал, как начать свой рассказ. Смерть. Другой мир. Еще одна смерть. Я боялся напугать Веру.

Я выбрался из постели и покрутил электрический выключатель. Здесь это не просто тумблер: включил, выключил. Ребристый ободок выключателя можно вращать, делая свет лампы под потолком каюты ярче или слабее. Я сделал не очень яркий свет. Достаточно, чтобы разогнать тьму, и недостаточно, чтобы чувствовать стыд за обнаженное тело. Потом снова забрался под одеяло, обнял Веру и начал свой рассказ.

Я рассказал всё. Почти всё. Как жил в другом мире, кем работал, про свою семью. Как вдруг осознал себя в теле Деклера с разбитой головой. Как пытался выжить и смириться с произошедшим. Как получил неожиданное поручение сопровождать журналистку «Метрополитена» Терезу Одли и оказался на «Пасифике». В принципе у меня получилось. Я сказал о главном и не утонул в подробностях.

Вера отреагировала на мой рассказ просто. Она сильнее прижалась ко мне и стала гладить меня по голове своей ла-

дошкой.

— Бедненький.

Мы какое-то время лежали молча. Я чувствовал облегчение и наслаждался реакцией Веры.

— А как вы там живете? — спросила Вера.

— Наверное, так же, как и здесь, — ответил я. — Радуемся, любим, страдаем.

— Всё-всё, как здесь?

— Ну, конечно, не всё. Я родился в 1962 году. Здесь 1877 год. Ты могла бы быть моей бабушкой.

— Значит, ты спишь со своей бабушкой? — в голосе Веры был притворный испуг.

— Во-первых, с очень симпатичной бабушкой, — я притянул Веру к себе и поцеловал. — Кроме того, скорее всего, мы из разных миров. У тебя — свой мир, у меня — свой. И эти миры никак не пересекаются.

— Но как такое возможно?

— Не знаю. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», — процитировал я и спросил: — А у вас тут есть Шекспир?

— Есть.

Вера задумалась.

— А как у вас одеваются женщины?

— О-о-о! — только и смог сказать я.

— Что значит «О-о-о»? — спросила Вера.

— Держись, — я перевернулся на бок и обнял Веру одной

рукой. — Ты сейчас лежишь, но всё равно упадёшь.

— Если бы мы в моём мире путешествовали на таком корабле по океану, то на нём был бы обязательно бассейн. И, может быть, не один. Мы бы с тобой и другие пассажиры корабля ходили купаться в этот бассейн. А из одежды у тебя была бы только полоска ткани вот здесь, — я коснулся Вериной груди, — и вот здесь, — моя рука скользнула в низ её живота. — И больше ничего.

— Какой ужас! — сказала Вера, хотя никакого ужаса в её голосе я не услышал. Было почти слышно, как в её хорошенькой головке ворочаются мысли.

Наконец она, как видно, пришла к какому-то выводу и схватила меня за ухо.

— Вот почему ты такой распущенный. Надо тебя перевоспитать! — она стала слегка подергивать меня за ухо.

— С радостью, — сказал я.

Её губы были влажными, и целовать их было приятно. Моя рука скользнула между ног Веры, и я ощутил жар её тела. Какое-то время мы «перевоспитывали» друг друга.

За иллюминатором уже посветлело. Я встал и выключил свет. Выпил из кувшина воды. Вера сидела на кровати, прижавшись спиной к стенке каюты, натянув на себя одеяло.

— А кто у вас правит? — спросила Вера.

— ?

— Кто у вас царь?

— Формально у нас республика, — ответил я.

— А царь?

— Что «царь»?

— Куда девался царь?

— Ну, — потянул я, — вообще-то его убили.

— Правда?

— Правда. Сначала арестовали, отправили в ссылку, а потом закололи штыками и сбросили в старую шахту.

— Как интересно, — сказала Вера и задумалась.

Я стал одеваться. В последние дни я стал рано уходить на палубу заниматься зарядкой вместе с Генрихом, чтобы оставить Вере каюту в её полном распоряжении. Побольше свободы сделать все свои женские дела без моего присутствия.

— А ты мне поможешь? — спросила Вера.

Я ждал этого вопроса. Сразу же после того, как Вера рассказала мне про себя, про свою семью, про идею её бабушки о мести. Я мог понять Верину бабку, которая из-за происшедшего потеряла всё: богатый дом, красивую жизнь и надежное будущее. Ей надо было, хотя бы на словах, воздать должное своим обидчикам. Я видел, что Верина бабка была достаточно глупа, чтобы не понимать: своими рассказами о мести она калечила психику внучки. Но высказать всё это Вере я не мог. Однако что-то ответить было надо.

— Нет, не помогу, — сказал я.

— Почему?

— Потому что это глупо и никому не нужно.

— Это нужно мне, — сказала Вера.

— Зачем?

— Затем, что тиран сломал жизнь нашей семье!

Я про себя усмехнулся. Вера говорила явно бабкиными словами.

— Этот тиран имел право защищаться, — сказал я. — Не он первым начал.

— Это неважно, — сказала Вера. — Он не мог так с нами поступить.

Ну вот, как с ней разговаривать?!

— Вера, послушай, — я присел рядом с ней на кровать. — Этого тирана давно уже нет. Так ведь? Кто у вас там правит?

— Его двоюродный племянник.

— И ты хочешь мстить двоюродному племяннику человека, который приказал казнить твоего дедушку?

— Да.

— Но почему?!

— Он занял место тирана, а значит, взял на себя все его преступления.

Я понял, что не смогу её переубедить. Во всяком случае сейчас. Бабка капала ей на мозги довольно долго.

«Ничего, — подумал я. — Я буду капать дольше».

Но подвести итог всё же следовало.

— Я не буду в этом участвовать, — сказал я. — Я пошёл на зарядку.

Подошел к кровати, наклонился над Верой и поцеловал

её в губы. Губы были сухие и холодные.

Я вышел за дверь.

Больше на эту тему до самого последнего момента мы с Верой не разговаривали.

После завтрака меня разыскал вахтенный матрос и вручил письмо от нотариуса Бёрджеса. Тот писал, что местный британский консул изъявил желание встретиться со мной. Поэтому мне надо было прибыть в его резиденцию сегодня, где после трёх часов дня меня примет сам консул.

Я — Бёрджес — консул. Из этой цепочки выходило, что местный британский начальник узнал обо мне из брачного договора, который Бёрджес принёс в консульство. А вот чем я его заинтересовал, было непонятно. Может быть, его заинтересовал сам факт бракосочетания англичанина и российской подданной? Вряд ли. Или, может быть, у него просто есть правило встречаться со всеми англичанами, которые пребывают в Японию. Вот это уже теплее. Япония — это не Париж. Сюда просто так, на променады из Англии, не приедешь. Поэтому вполне возможно, что консул решил выяснить, что забыл в этих краях его соотечественник. Что в таком случае я буду отвечать? Путешественник я. Был в Америке, теперь еду в Гонконг. Через пару дней меня здесь уже не будет. Так что можете не волноваться.

Ответа на письмо не требовалось. Поэтому оставшаяся часть дня до поездки прошла как обычно. Немного пообщал-

ся с Томпсоном. Поговорили о «Звезде Востока», которой всё еще не было. Оказалось, что этот корабль строился на той же верфи «Боргер и Вольф», что и «Пасифик», причем одновременно. Немного отличались их паровые машины, но подробностей Томпсон не знал. Оба корабля были зафрахтованы компанией «Восточные паровые суда» для совершения рейсов между Америкой и Китаем. Переход через Тихий океан сильно отличался от перехода из Йокогамы в Гонконг, поэтому руководство компании решило специализировать корабли по маршрутам. «Пасифику», поскольку у него было соответствующее название, выпало пересекать Тихий океан, а «Звезде Востока» — покорять моря между Японией и Гонконгом.

Поболтав со мной, Томпсон предложил мне смочить горло в баре, традиционно получил отказ и, не особо расстроенный, удалился. Я тоже не расстроился, расположился на деревянном стуле-шезлонге на палубе и стал наблюдать картину, которую мог наблюдать, наверное, вечно. У фальшборта с этюдником стояла Вера и рисовала свои картины. Иногда она оборачивалась ко мне и улыбалась. Вера стояла спиной к солнцу, поэтому, когда оборачивалась, солнце попадало ей в глаза. От этого она щурилась и смешно морщила нос. От одной такой улыбки до другой время до обеда прошло незаметно. А потом я отправился на встречу с консулом.

В сеттльменте почти все здания были построены одинаковым образом. Каменный первый этаж и второй этаж из бру-

са. Этаж, тот, что из камня, я по своей иномирной привычке считал первым, хотя здесь все называли его «граунд фло», но своими лингвистическими особенностями я ни с кем не делился. Только здание Гранд-отеля было полностью каменным. Хотя из чего были воздвигнуты его основные стены, можно было только гадать, так как и на первом этаже, и на втором на первый план выходили открытые террасы, тянувшиеся вдоль всего фасада.

Здание консульства было выполнено в таком же стиле: небольшое, двухэтажное, окруженное красивой и высокой железной изгородью. К зданию примыкала еще одна длинная, одноэтажная постройка. По скоплению солдат около неё я предположил, что это была казарма. Располагалось консульство недалеко от Гранд-отеля. У меня сложилось впечатление, что всё в сеттльменте располагалось вокруг Гранд-отеля. Хотя, возможно, мне так показалось потому, что омнибус, который курсировал от порта до сеттльмента, конечной точкой выбрал именно гостиницу.

Железные ворота в консульство были украшены красивой ковкой, изображавшей герб Великобритании, и двумя газовыми фонарями, которые сейчас, днем, естественно, не горели. Ворота были закрыты. Около них стояли два гвардейца в красных мундирах, перепоясанные крест-накрест ремнями с двумя большими подсумками на поясе. Руки у каждого гвардейца были мирно сложены на животе и прижимали к бедру ружье. Какой оно там было «системы», я не знаю,

но размеры ружья впечатляли. Приклад ружья стоял на земле, и его высота вместе со штыком превышала рост самого гвардейца, на голове которого к тому же был высокий пробковый шлем.

Я представился и показал письмо Бёрджеса. Один из гвардейцев сходил в здание консульства, потом они открыли ворота и пропустили меня внутрь. Ни сопровождающих, никого. Иди себе куда хочешь. Гвардейцы даже не обратили внимания на оттопырившиеся карманы моего пиджака. В одном был револьвер Деклера, а в другом — патроны россыпью. После встречи с самураями во время покупки цветов для Веры я решил не выходить на берег без оружия. Но идти с брезентовой сумкой к консулу мне показалось неудобным, а кобуры у меня не было. Пришлось и револьвер, и патроны рассовать по карманам.

Я вошел внутрь здания и сразу оказался в небольшой приемной, в которой, кроме меня, на диванчиках располагалось еще несколько мужчин среднего возраста, а у двери, ведущей, очевидно, в кабинет консула, за небольшим столом сидел молодой человек в гражданской одежде. Он поднялся мне навстречу, представился Генри Фишером, предложил присесть и ожидать. Что я и сделал. Ожидание затянулось. Я вспомнил прищуренные от солнца глаза Веры и её улыбку. Стало легче, а потом кто-то потряс меня за плечо. Оказалось, что я задремал, и, таким образом, помощник консула будил меня, приглашая на встречу со своим боссом.

— Очень рад встрече, мистер Деклер, — из-за стола поднялся благообразный джентльмен средних лет, который, наверное, и был британским консулом. — Или лучше вас называть лорд Деклер?

— Я давно не был дома, поэтому привык к своему американизированному имени, — ответил я.

Титулы, права их наследования — всё это была зыбкая почва для меня, и мне хотелось сменить тему.

— А вы, генеральный консул?

— Да, — засмеялся джентльмен. — Извините, что не представился. Кристофер Олрок, генеральный консул её величества королевы Виктории в этих краях. Тоже без титулов. Просто «мистер Олрок».

— Присаживайтесь, мистер Деклер, — он указал на два кожаных кресла, стоящих у окна.

Затем консул позвонил в колокольчик. В комнату зашел уже знакомый мне Генри Фишер.

— Генри, прошу вас... — начал было консул, но в этот момент стекло окна, рядом с которым я расположился в кресле, со звоном разбилось. В комнату полетели длинные стрелы, явно указывая на то, что окно разбито не просто так.

Прежде чем я успел что-либо сообразить, я, почти не вставая с кресла, бросился вперед и сбил с ног консула. Генри повезло меньше. Одна из стрел царапнула его голову. Молодой человек охнул, побледнел и без чувств упал на пол. Воз-

можно, это спасло его от худшего. Воистину, наши достоинства — продолжение наших недостатков! Стрелы продолжали влетать в окно и пронзать всё, что попадалось на их пути. При попадании они издавали глухой звук, словно увесистой деревянной дубинкой били по гимнастическому мату.

Бум.

Бум-бум.

Бум. Бум.

Эти звуки словно выбили все мысли из моей головы. Сознание стало пустым и звонким, как фужер из хрустала. Щёлкни ногтем, и мелодичный звук заполнит окружающее пространство.

Поток стрел словно по команде прекратился. Мы лежали с консулом на полу. Он сжимал в руке короткую шпагу без гарды, а у меня в руке появился револьвер. Как и откуда консул достал свою шпагу и как я вытащил из кармана свой револьвер, я не помнил.

На смену глухим звукам от попадания стрел пришли другие. Крики, смысл которых было не разобрать, выстрелы, топот ног. Всё это происходило снаружи, а мы с консулом, словно слепцы, ничего не видели, а только отчаянно ловили долетавшие звуки, чтобы по ним создать картинку происходящего.

Потом дверь в кабинет консула распахнулась от удара ногой, и на пороге показался японский воин. Лысый, средних лет, одетый в какую-то серую, свободную одежду, с на-

супленными бровями, он впился взглядом в нашу сторону, взмахнул мечом и ринулся вперед.

Деклер не стал мешкать. Револьвер сухо рявкнул, и японец упал с простреленной головой. Звук выстрела моментально, словно комками ваты, забил уши, но странно, что при этом я слышал, как щёлкают детали механизма, поворачивая барабан. Однако Деклеру было не до этих странностей. В дверь лезли новые нападающие.

Выстрел с колена.

Подняться на ноги. Еще выстрел.

Шаг назад, еще выстрел.

Отойти за стол консула, еще выстрел.

И наконец сухой щелчок бойка в пустоту. Последний самурай, которого задержали на пути к нам тела убитых, вытаращенными глазами уставился на меня, что-то закричал, поднял меч, но раздался хруст, и из груди самурая вышло окровавленное лезвие меча.

— Не стреляйте, Деклер, — подал голос консул. — Это Хизеши-сан. Он на нашей стороне.

Пронзенный мечом самурай беззвучно упал вперед, и я увидел своего старого знакомого. Это был самурай, которого мы встретили с Верой на рынке цветов.

«Свой, так свой», — устало подумал я и опустился в кресло консула.

Вернулись звуки, а события понеслись вскачь. В кабинет забежал какой-то британский военный, чуть было не

упал, споткнувшись о трупы, стал что-то докладывать Олроку. Снова убежал. Вернулся с солдатами. Они подняли и увели Генри, который уже начал приходить в себя, но еще плохо держался на ногах.

Пока я за всем этим наблюдал, мои руки были заняты револьвером. Отжали, что нужно, и на ковер посыпались пустые гильзы. Затем я левой рукой стал доставать из кармана патроны и заполнять барабан револьвера.

Самурай, которого Олрок назвал Хизеши-сан, не ушел. Он ходил между убитых Деклером нападавших, переворачивал их и при этом щёлкал языком. Потом он обратился к Олроку и что-то сказал.

— Он говорит, что все попадания в голову, что это не красиво, так как теперь у убитых нет половины головы, — перевел мне консул и от себя добавил: — Не обращайтесь на это внимание, мистер Деклер. Такие здесь представления о смерти.

«Ну да, конечно, — подумал я. — Вспороть живот и вывалить кишки наружу — совсем другое дело».

Японец еще что-то сказал.

— Он просит показать револьвер, из которого вы стреляли, — перевёл Олрок.

Я немного поколебался, потом высыпал из барабана патроны, снова защёлкнул барабан и протянул револьвер любознательному японцу. Тот стал оттягивать курок, но я его остановил.

— Не надо, — сказал я. — Сразу жмите на спусковую скобу.

Как ни странно, но японец меня понял. Он осторожно нажал на спусковую скобу, дождался щелчка бойка по пустому гнезду барабана, а потом сделал еще несколько быстрых щелчков.

Возвращая мне револьвер, японец опять что-то сказал.

— Он говорит, что «очень медленно». Для того чтобы убить шесть человек, надо шесть движений. А меч может сделать это за одно движение.

Спорить совершенно не хотелось. Хотелось убраться отсюда, да побыстрее. Но я всё-таки не удержался.

— Меч — это искусство, револьвер — просто убийство, которое доступно каждому, — добавил я про себя.

Олрок перевёл. Японец задумался, а потом часто закивал головой.

В это время в кабинет снова зашёл британский военный.

— Ну что там, майор? — спросил Олрок.

— Все нападавшие убиты, сэр.

— Наши потери?

— Из двадцати гвардейцев убито пятеро, трое — в тяжёлом положении, двое — легко ранены, сэр. Я уже не раз говорил, что для охраны консульства наших сил недостаточно, а теперь...

— Ах, оставьте, майор, — отмахнулся Олрок. — Был бы у нас полк, против нас прислали бы вдвое больше. Нас спасло,

что большая часть японского общества нас поддерживает.

Последнюю фразу он повторил по-японски.

— Договоритесь с Хизеши-сан о совместной охране сэтльмента и консульства, — продолжил консул и, видя, что майор задумался, добавил: — Приведите в чувство Генри. Он немного знает японский и поможет вам.

Консул поднялся с кресла. Они раскланялись с японцем, и вскоре мы остались с консулом одни.

— Не могли бы вы помочь мне, мистер Деклер? — спросил Олрок.

К своему стыду, я только сейчас обратил внимание, что он зажимает правой кистью своё левое предплечье, а рукав его сюртука подозрительно набух.

Я вытащил из нагрудного кармана носовой платок, свернул его и перетянул руку Олрока выше локтя. Потом взял со стола перьевую ручку, что лежала рядом с чернильницей, просунул её в узел, сделал поворот, затягивая узел, а перо воткнул в ткань рукава сюртука. Всё равно сюртук уже на выброс.

— Ловко, — похвалил Олрок.

— Разбираетесь в медицине?

— Нахвтался везде понемногу, — честно ответил я.

Потом я подобрал с пола выроненную консулом шпажонку и попробовал ею разрезать рукав. Лезвие этой короткой шпаги оказалось острым. Я быстро отхватил рукав сюртука

выше локтя. Также поступил и с рукавом рубашки.

Рана тянулась по внешней стороне предплечья от локтя к запястью, кровоточила уже слабо, но была глубокой.

«Надо зашивать», — подумал я.

— Поможете мне зашить? — спросил Олрок. — А то в консульстве только один лекарь, и тот — я.

Он устало усмехнулся. Видно, горячка боя проходила. Его лицо стало бледным. Консул устало откинулся на спинку кресла.

— Откройте шкаф, — он здоровой рукой показал, где это. — Средний ящик.

В ящике я нашел длинный, в черном бархате футляр. Достал и раскрыл его на столе. В футляре лежали потемневшие от времени, а может быть, от частого использования хирургические инструменты.

— Мои, — пояснил консул. — Ещё со времен работы в Португалии.

Я кивнул. Было не до расспросов.

— Возьмите иголки... — начал Олрок, но, видя, что я не колеблюсь, спросил: — Бойтесь?

— Нет, но давайте сделаем по-другому, — сказал я, а сам подумал, что опять лезу не туда. — Позовите кого-нибудь, я отдам распоряжения.

— Нет ничего проще, — сказал Олрок; видно, что у него не осталось сил, чтобы спорить. — Позвоните в колокольчик.

«Надо же», — подумал я. — «Вокруг стрелы, стрельба и смерть, а колокольчик, как стоял на столе, так и стоит».

На зов явился с перемотанной головой Генри. Я отдал ему все инструменты Олрока, наказав поставить их вариться в кипящей воде, чем вызвал огромное удивление. А ещё я поручил ему послать гвардейца на «Пасифик» с запиской для Генриха.

— У вас есть виски? — спросил я Олрока.

Тот неопределенно махнул рукой. Бутылки с напитками обнаружались на одной из полок в том же шкафу, где я нашел хирургические инструменты. Большие стеклянные бутылки. Лить стекло здесь научились, а вот с бумажными этикетками было плохо. Вернее, их не было совсем. Пришлось действовать наугад. Методом пробы.

— «Джони Уокер», — сказал Олрок, увидев, какую бутылку я выбрал. — Из новых. Решил попробовать.

Я ничего не сказал. Попросил у Олрока его носовой платок, смочил его в виски и прикрыл им рану. Когда придет Генрих, инструменты уже достаточно прокипятятся, и можно будет начинать.

Генрих прибыл уже в сумерках. К моему стыду, я ничего не сказал Генри про то, что моего воспитанника надо дождаться и сопроводить. Но, как видно, помощник консула сунул свой нос в мою записку и проявил инициативу. Генриха от «Пасифика» сопровождали целый лейтенант и два са-

мурая. Причем «целый» — это не была фигура речи. Многие гвардейцы консульства были в той или иной степени ранены.

Обратно мы вернулись с таким же эскортом.

На «Пасифике» уже горели бортовые огни, но незаметно проникнуть на корабль нам не удалось.

— Что там случилось? — нас встречал сам капитан Хемпсон. — Что за выстрелы?

У борта столпилось достаточно много людей. Жизнь на корабле в ожидании «Звезды Востока» была скучна, и все жаждали новостей. Среди встречающих я увидел Веру и улыбнулся ей.

— На консульство совершено нападение. Очевидно, местные бандиты. Нападение отбито. Местные власти прислали своих стражников. Опасаться нечего, — коротко сказал я.

Вера уже завладела моим локтем и всем своим видом показывала, что не собирается мной ни с кем делиться.

— Хм, — сказал капитан. — На ужине будете?

— Непременно.

— Хорошо. Ждём от вас подробностей.

Когда мы с Верой оказались одни в каюте, она, ни слова не говоря, обхватила меня руками за пояс и с силой прижалась к груди.

Но потом почувствовала запах спиртного.

— Ты пил?

Я усмехнулся.

— Чему ты смеёшься?

— Муж возвращается с пьянки домой, поздно вечером и, чтобы не нарваться на скандал с женой, выдумывает историю про нападение грабителей.

Вера фыркнула:

— Смешно. У вас там все мужчины такие выдумщики? — спросила она, но было видно, что она немного успокоилась.

— Мужчины везде разные, и у нас тоже.

Я снял пиджак, потом рубашку. Как ни старался я действовать аккуратно, но манжеты рубашки я испачкал в крови. Жаль, рубашку придется выкинуть. Или оставить на бинты? «Не дай бог», — тут же одёрнул себя я.

Видя испуганный взгляд Веры, объяснил:

— Это не моя кровь. Помогал консулу зашить рану.

Открыл кран над ванной и стал мыть руки, потом сполоснул лицо. Вера подала полотенце.

— Всё хорошо, — сказал я, вытирая руки, потом прижал Веру к себе и поцеловал в губы. — Всё хорошо.

В капитанском салоне появились новые люди. Несколько мужчин и одна женщина, чьих имён я не запомнил. Я тоже пришёл не один. Кроме Веры, со мной был Генрих. Капитан посмотрел на меня, на Генриха.

— Он тоже участник событий, — объяснил я, а капитан кивнул: «ладно мол».

Кухня корабля, как видно, стала получать больше продук-

тов с берега. Кок стал готовить больше рыбных блюд, и я с удовольствием попробовал одно из них, после чего рассказал всё как было. Ну, или почти как было. В моём рассказе была стрельба, консул размахивал шпагой, солдаты кололи штыками, а злодеи падали замертво. Получилось не хуже, чем истории из жизни французских мушкетёров. Много драк, сражений, а боли и страданий никаких. Потом рассказал, как помогал консулу зашивать его рану на руке. Он говорил, что делать, я делал, а Генрих помогал. Так втроём и справились.

Тереза Одли тоже была на ужине. Последние дни я с ней мало виделся. При встрече она лишь подчёркнуто формально здоровалась со мной. Видно, за что-то она на меня обиделась. Наша работа над путешествием Элли застопорилась. За ужином Тереза сначала только слушала, что я рассказываю, и делала записи в своём блокноте. Но потом, очевидно, её журналистское нутро взяло верх, и она задала несколько вопросов.

— Я всё понимаю, — под конец сказал один из вновь прибывших в капитанский салон мужчин. — Но зачем вы кипятили ножи и иглы доктора? Они от этого мягче не стали. — Мужчина хохотнул.

Я взглянул на Генриха.

— Об этом расскажет мой воспитанник Генрих Миллер, — сказал я.

Сначала Генрих немного сбивался, стараясь повторить

мои слова, которые я использовал, когда объяснял ему про микроорганизмы, а потом, как видно, решил «была не была» и стал рассказывать так, как он всё понял, как у него это улеглось в голове. Получился живой, мальчишеский рассказ о жизни удивительных, страшных, но очень маленьких чудовищ.

— А то, что их не видно, так это так бывает, — завершил он свой рассказ. — Вы слышите, как за окном кричат чайки. — Он указал на иллюминатор, и большинство сидящих за столом повернули к иллюминатору головы. — Но не видите их, а они есть.

Нашу беседу на тему микроорганизмов подытожил мистер Томпсон.

— Я и раньше мало воды пил, а теперь и вовсе не буду, — сказал он и залпом выпил бокал вина.

Возвращаясь после ужина, я постарался догнать журналистку.

— Мисс Одли, — попросил я. — Буквально одну минуту. Мы стояли на палубе. С одной стороны — я с Верой, которая держала Генриха за руку, а с другой стороны — Тереза. — Я хотел бы продолжить работу над сказкой про Элли, — сказал я и добавил: — Если вы не против.

Тереза посмотрела на меня, на Веру, на улыбающегося Генриха. Я ожидал любого ответа.

— Да, конечно, — сказала девушка. — Я сама была удивлена, что вы потеряли интерес к своей задумке.

«Я? Потерял интерес?» — подумал я, но вслух сказал другое:

— Тогда, может быть, утром? После завтрака?

— Хорошо. Я согласна.

На этом мы и распрощались.

Весьма насыщенный день подошёл к концу. Я лежал в темноте.

Откат после шести моих сегодняшних убийств настиг меня в своеобразной форме. В этот вечер я сильнее, чем обычно, прижимал к себе Веру и более страстно целовал её губы. Словно пил и никак не мог напиться.

— Боже! — только и выдохнула Вера, когда я наконец успокоился. — Неужели у нас так будет всегда?

Но сейчас Вера спала, а я слушал её тихое дыхание. Можно было закрыть глаза и провалиться в сон. Но, как только я закрывал глаза, в моей голове появлялась та звенящая, хрустальная пустота, которую я ощущал, когда стрелял сегодня из револьвера.

«А ведь это делал не я. Это всё он, Деклер», — подумал я. — «Я бы никогда так не смог. Да ещё так точно. Всех в голову. А что звенело в голове? А ничего! Пустота звенела! И ни одной моей мысли! Я просто не мешал Деклеру».

— Ты здесь? — шёпотом спросил я, но не получил ответа. Только рядом заворочалась Вера. Она положила руку мне на грудь и снова затихла.

«Вера, — подумал я. — Я мог тебя сегодня потерять. Вернее, бросить. Также, как бросил где-то там свою дочь и внука».

Я положил на руку Веры, лежавшую на моей груди, свою ладонь.

«Я тебя не брошу», — сказал я про себя и заснул.

Глава 2. Двойная игра

На втором этаже консульства, в постели лежал Кристофер Олрок. Слегка подёргивалась раненная рука, но жара не было, он чувствовал это. Олрок давно бы уже заснул, если бы не привычка — каждый раз перед сном перебирать в голове произошедшие за день события. А сегодня их произошло много, и они были существенные.

Во-первых, нападение на консульство. Со дня на день в Йокогаму должен прийти военный крейсер с посольством его величества королевы Великобритании. Намечалось подписание союзного договора. Над проектом этого договора Олрок работал больше года. Если бы сегодняшнее нападение удалось, то, скорее всего, подписание договора было бы сорвано. Прибывшее посольство оказалось бы перед сожжённым консульством. Ни людей, знающих местную специфику, ни связей, ни проекта договора. Пришлось бы начинать всё с начала.

Скорее всего, за нападением стоят американцы. Они опоздали к «открытию» Японии, этого нового рынка для сбыта американских товаров, и теперь им приходилось действовать в спешке, довольно грубыми методами.

«Запомни этот вывод», — подумал Олрок. — «Утром попробуй его покритиковать».

Это был его обычный метод анализа. Утром многое вы-

глядело по-другому. За ночь мысли, сформировавшиеся перед сном, удивительным образом обрастали новыми, ранее не замеченными деталями.

Во-вторых, этот странный лорд-путешественник, долго живущий в Америке. Может он быть американским шпионом? Может. Но почему он тогда подверг себя такому риску во время нападения? Заранее знал, что не пострадает? Тогда придётся признать, что все нападавшие были превосходными актёрами.

Надо сказать, что Деклер произвёл на Олрока неоднозначное впечатление. Храбр, решителен, опытный воин. Несмотря на то, что все эти качества были выдающимися, они не были редкостью. Возьми любого, кто прошёл одну-две войны, и у него будут те же качества. Храбр, решителен, опытный воин. Почему? Просто другие не выживали. А Деклер, насколько понял Олрок из тех скудных объяснений, которые ему удалось вытянуть из лорда, прошёл не одну войну.

Удивили также познания Деклера в медицине. Он оказался последователем Джозефа Листера, который замачивает свои инструменты перед операцией в растворе фенола. В Британии спорят над его методами, а вот Деклер ими уже пользуется. Правда, вместо раствора фенола Деклер использовал двенадцатилетний виски.

Также удивила своеобразная забота Деклера о своём малолетнем воспитаннике Генрихе. Деклер попросил разрешения, чтобы Генрих присутствовал при операции. Оба вымы-

ли руки, а потом долго их полоскали в тазике с американским бурбоном. Но, надо сказать, не зря. Когда у Деклера не получилось завязать ниткой рассечённый кровеносный сосуд, его воспитанник сам вызвался это сделать. Своими тонкими пальчиками он вмиг наложил узел, тем самым остановил пусть небольшое, но кровотечение.

«Сплошные положительные стороны, — думал Олрок. — Так и выпирают. Знает, что я и сам врач, и хочет понравиться? Втереться в доверие?»

И ещё одна деталь показалась Олроку подозрительной. То, как общались между собой Деклер и Хизеши-сан. У Олрока сложилось впечатление, что они друг друга уже знают. Откуда? Деклер только прибыл в Японию. Что это значит? Американцы работают с Хизеши? А он сам работает на обе стороны?

«Утром окончательные выводы сделаю утром», — подумал Олрок. — «Я посплю, а мозги пусть поработают». И он, довольный, заснул.

Быть довольным собой у генерального консула были все основания. В этот день он потерял много крови, ослаб, но сделал то, для чего пригласил Деклера в консульство.

— Должен поблагодарить вас, мистер Деклер, — сказал Олрок, когда Деклер закончил перевязывать его раненную руку. — Сегодня вы спасли мне жизнь. Я ваш должник.

— Не за что, — ответил Деклер. — Я рад, что всё так

благополучно закончилось. Берегите руку.

— Вы задержитесь в Йокогаме?

— Надеюсь, что нет. Как только придет «Звезда Востока», я отправлюсь в Гонконг.

— Могу ли я обратиться к вам с просьбой?

— Что за просьба? — Передать губернатору Гонконга, лорду Беннету, письмо.

Олрок неловко, одной рукой раскрыл на столе одну из папок и достал из неё небольшое, тонкое письмо с сургучной печатью. «Только для глаз лорда Беннета» — такая стояла на нём надпись. Консул протянул это письмо Деклеру.

— Хорошо, — сказал Деклер, и они расстались.

Потом Олрок вызвал своего помощника Генри.

— Генри, обрати внимание, когда «Звезда Востока» отправится в Гонконг.

— Но она ещё не пришла, господин консул.

— Но она придет, не правда ли?

— Несомненно, господин консул. Я запишу дату и время, когда «Звезда Востока» отправится обратно в Гонконг.

— Спасибо, Генри. Дело в том, что я передал мистеру Деклеру важное письмо для губернатора Гонконга. Мне надо, хотя бы примерно, рассчитать, когда это письмо попадет в руки лорда Беннета.

— Конечно, господин консул. Я всё сделаю.

В британском консульстве «текло». Так считал Олрок. Чтобы его «корабль» не затонул, надо было остановить эту

«течь». Генри был хорошим и надёжным помощником, но проверить надо было всех.

Олрок уже спал, когда Генри наконец вернулся домой, в небольшую комнатенку, расположенную в доме недалеко от консульства. Там его уже ждал человек с американского корабля.

— Не пора ли вернуть долг, Генри? — спросил гость.

— Денег у меня нет, — ответил Генри. — Но есть кое-что получше.

Утром я встретился с Терезой. Правда, эта наша встреча совсем не была похожа на предыдущие совместные посиделки. Журналистка сунула мне в руки исписанные листки, сказала «читайте», а потом с независимым видом отправилась на прогулку по палубе.

«Читать, так читать», — сказал я сам себе и уселся на стул-шезлонг. Второй стул, который я приготовил для мисс Одли, остался пустым.

Непонятное поведение Терезы было не самой плохой новостью. Я начал читать написанное журналисткой и даже пожалел про свою затею со сказкой. Я был уверен, что у Терезы Элли будет похожа на героиню её собственных сказок. На ту девочку, которая пробирается из охваченных войной южных штатов на Запад. Добрая, отзывчивая и отважная. Но я читал листки, вручённые мне Терезой, и видел, что это совсем не та Элли, к которой я привык. В ней также не было ни кап-

ли от маленькой героини из сказок самой журналистки. Эта Элли превратила Тотошку, Страшиллу и Дровосека в своих слуг. Помыкала ими. Высмеивала их недостатки. Под конец повествования эта маленькая ведьма нашла небольшую повозку, запрягла в неё своих попутчиков, сама уселась на повозку и в таком виде они продолжили путь по дороге из жёлтого кирпича.

— Как вам? Понравилось? — спросила Тереза.

Она стояла рядом. Я не заметил, как она подошла.

— Нет, — честно ответил я.

— Почему? — удивилась девушка.

— Я думал, что Элли будет похожа на девочку из ваших сказок. Добрую и отзывчивую.

— Если Элли будет доброй и отзывчивой, то она никогда не доберётся до своего Изумрудного города. До цели доходят злые и беспринципные, а добрых по дороге съедают людоеды.

— Это в жизни, но мы сочиняем сказку, не правда ли? — попытался возразить я.

— Но и сказка должна содержать элементы реальности, — сказала Тереза.

В это время за бортом раздался гудок. Потом ещё один. Мимо нас к выходу из бухты спешил небольшой паровой катер.

И я, и Тереза невольно замолчали и проводили катер взглядом.

— Когда мне в голову пришёл этот сюжет, я почему-то представлял на месте Элли вас, мисс Одли, — сказал я.

— Да-а-а? — сказала Тереза. — И что? Я такая вам не нравлюсь?

Я было собрался ответить, но девушка меня опередила.

— Пойдите, — сказала она и забрала у меня из рук листки, которые я только что прочёл.

— Ах! — сказала Тереза, посмотрев на свои записки. — Я дала вам совсем не те листки.

В руках у неё появилась папка, и мне вручили новые записки.

— Читайте, — сказала журналистка, и я вновь остался один.

Я посмотрел вслед Терезе и, кажется, начал кое-что понимать.

«Вот же я — идиот! — подумал я. — Мог бы догадаться с самого начала. И что мне теперь делать?»

Новый текст писал словно совсем другой человек. Пусть Элли была не похожа на ту, про которую я читал в детстве, но эта Элли мне тоже нравилась. Она не возгордилась, когда победила злую волшебницу, не польстилась на трон правителя страны живунов. Она любила своего песика Тотошку и стала хорошим товарищем для Страшилы и Дровосека. Я облегчённо вздохнул и снова прозевал тот момент, когда ко мне подошла Тереза.

— Ну что? — спросила с вызовом она. — Такой я вам

больше нравлюсь?

Я хотел ответить, но не успел. Со стороны входа в бухту снова раздались гудки. Гудел ранее прошедший мимо нас паровой катер. За ним медленно двигался большой корабль, который тяжелым басом тоже подавал голос.

Я и Тереза подошли к борту «Пасифика». Большой корабль был очень похож на «Пасифик». Только у «Пасифика» труба была выкрашена в чёрный цвет, а у этого корабля труба была красной.

— Кажется, что наше стояние в Йокогаме подходит к концу, — сказал подошедший к нам мистер Томпсон. — Это и есть «Звезда Востока». Думаю, что через пару дней мы уже будем плыть в Гонконг.

Утренняя шутка над Деклером немного улучшила настроение Терезы. Она вспоминала несчастное лицо англичанина, когда он прочёл подsunутые ею первые черновики, и почувствовала некоторое удовлетворение. Эти черновики она написала в тот вечер, когда узнала о браке Деклера с русской авантюристкой. И, конечно же, портрет Элли она рисовала не с себя. Нет, такой Элли у неё никогда не будет!

Заставив Деклера немного пострадать, Тереза смягчилась, и они вновь, как и раньше, расположились на стульях на почтительном расстоянии друг от друга и поговорили о написанном.

— Предлагаю добавить в сюжет волшебные туфельки, —

сказал Деклер.

«Что-то он быстро пришёл в себя», — подумала Тереза, а вслух спросила:

— Что за туфельки?

— Пусть Тототшка найдёт в пещере убитой злой волшебницы её туфли и принесёт своей хозяйке.

— Но зачем они ей? Наверняка они будут ей слишком большими!

— Вот тут вы ошибаетесь, мисс Одли, — заявил Деклер. — Туфельки-то волшебные! Кто ни надень, всем они подойдут!

«Интересно, — подумала Тереза и невольно взглянула на свои ноги в новых ботиночках, которые ей немного жали. — Богатое у него воображение. Может быть, и с этой авантюристкой он себе что-то лишнее навоображал?»

— Я думаю, что именно по этим волшебным туфелькам местные жители поняли, что злой волшебницы больше нет, и приняли Элли за новую правительницу.

— Согласна, — сказала Тереза. — Мне нравится.

— Вы также можете придумать какие-нибудь чудесные свойства этих туфелек. Детей будет не оторвать от книжки. Каждая девочка будет мечтать иметь такие же.

«Много ты знаешь, о чём мечтают девочки», — подумала Тереза, а вслух повторила: — Мне нравится.

Они помолчали. Потом Деклер безо всякого перехода протянул журналистке правую руку.

— Мисс Одли, — сказал он. — Мир?

«Какой ты быстрый?!» — подумала Тереза. — «Это только начало!»

— А мы разве воевали? — вслух спросила она.

— Мне так показалось, — ответил Деклер.

— Вам показалось, — сказала Тереза, но её рука сама вытянулась, и её ладошка оказалась в ладони Деклера.

Его пожатие оказалось мягким, почти нежным.

«Как жаль, что это ничего не значит. Ни-че-го», — подумала Тереза.

Глава 3. Волшебные туфельки

У портового катера в этот день оказалось много работы. Проведя «Звезду Востока» на стоянку в бухту, он снова отправился в сторону открытого моря и вскоре появился вновь. Шёл медленно, и Тереза увидела, что за ним двигался чёрный корабль. Размером чуть поменьше «Пасифика», две трубы и три мачты. На самой высокой из них развивался британский флаг. Почему-то девушке сразу подумалось, что это военный корабль. Возможно, потому что на его бортах она не увидела иллюминаторов. Когда корабль подошёл поближе, Тереза надеялась увидеть пушки, но ничего так и не разглядела. По бортам корабля были видны какие-то окошки, сейчас закрытые, и никаких пушек.

На завтраке в капитанском салоне Тереза узнала, что прибыл британский крейсер «Нельсон». Прибыл не просто так, а привёз британское посольство заключать какие-то там важные договора с Японией. Насчёт окошек, которые правильно было называть портами, она оказалась права. За ними скрывались многочисленные орудия. Сам крейсер был из новых. Имел железный корпус и бронированный пояс.

— Но идёт медленнее моего «Пасифика», — сказал капитан Хемпсон и усмехнулся. — Были бы мы пиратами, смогли бы от него легко убежать, и никакие пушки бы не помешали.

Прибытие «Нельсона» имело для Терезы неприятные по-

следствия. Ближе к обеду в дверь её каюты постучал стюард и сказал, что к борту «Пасифика» подошла шлюпка и какой-то джентльмен спрашивает её.

Тереза не знала, что и думать. Может быть, это с телеграфом? Какое-то срочное сообщение? Она одела шляпку, взглянула на себя в зеркало, оправила платье и вышла на палубу.

Джентльмен в шлюпке оказался корреспондентом британской газеты «Дейли мэйл».

— Меня зовут Стив Хачингтон, мисс. Я хотел бы взять у вас интервью, — задирая голову вверх, прокричал сидящий в лодке мужчина.

— У меня? — удивилась Тереза. — Почему у меня?

— Вы теперь знаменитость, мисс Одли. Многие газеты перепечатали ваши путевые заметки из «Метрополитена» и «Экспедитора».

Это было ужасно. Все эти годы, работая в «Метрополитене», она писала под различными псевдонимами. Пусть псевдонимы не тянули на звание неприступной замковой стены, но это была всё же защита. Делая свои публикации в журнале, Тереза, хотела она этого или не хотела, а вставляла в них частички себя. «Подпишусь своим именем, — считала журналистка, — и все будут показывать на меня пальцем. Смотрите, это она написала про себя!»

Теперь эта защита рухнула. Она не могла представить себя дающей интервью. Что у неё будут спрашивать? Какие платья она носит? Как устроен её быт? Тереза была в полной

растерянности.

— Вам помочь?

Она увидела подошедших к ней Деклера и его молодую супругу. Даже эта русская авантюристка была ей в этот момент ближе, чем журналист из британской газеты, который хотел от неё словоизлияний.

— Я не знаю, — сказала Тереза. — Возможно.

— А что случилось?

— В шляпке корреспондент.

Деклер перегнулся через борт.

— Действительно, похож. И что он хочет?

— Он хочет взять у меня интервью, — сказала Тереза и покраснела.

— Нет, так не пойдет, — сказал Деклер.

Тереза облегчённо вздохнула. Сейчас этот англичанин что-то сделает, и этот корреспондент исчезнет и больше никогда не появится.

— Меня зовут Энтони Деклер, — крикнул сидящему в шляпке журналисту англичанин. — Я друг мисс Одли. А вы кто?

— Стив Хачингтон, сэр. Корреспондент славной газеты «Дейли мэйл».

— Какие ветры занесли вас в эту глушь, так далеко от Пикадилли?

— Ха-ха. Я здесь не один такой. Нас несколько. Есть из «Дейли телеграф», «Мирор», «Кроникл». Только «Таймс»

поленилась. Мы прибыли вместе с посольством.

— Понятно. А зачем вам мисс Одли?

— Как зачем? Мисс Одли прославилась. Её статьи многих заинтересовали. Правда, некоторые не верят. Думают, что это переодетый мужчина.

— Что? — не выдержала Тереза. Она перегнулась через фальшборт и прокричала: — Как вы смеете?

— Приношу свои извинения, мисс Одли, — не стушевался журналист. — Я как раз так не думаю. Как насчёт интервью, мисс Одли?

— Надо что-то делать, — Деклер повернулся к Терезе. — Прогоним этого — приедут другие.

Деклер решил провести пресс-конференцию. Тереза сделала испуганные глаза, но Деклер быстро объяснил, что это просто встреча важного лица и нескольких журналистов.

— Важное лицо — это я? — спросила она.

— Получается, что да, — ответил Деклер. — А журналисты — это как горькое лекарство. Его лучше выпить одним глотком, а не растягивать на весь день.

По мнению Деклера, от такой совместной встречи выиграют все. Тереза не будет по нескольку раз отвечать на одни и те же вопросы, а журналисты смогут записать её ответы на всё, а не только на свои вопросы.

— Но как всё это организовать? — спросила Тереза.

— Не беспокойтесь, — сказал Деклер. — Я всё организую.

И организовал.

Когда на следующий день утром Тереза в сопровождении мистера Томпсона зашла в фойе Гранд-отеля, там её уже ждали.

Деклер усадил её на диван у окна. Несколько журналистов разместилось на стульях перед ней. От них её отделял только небольшой столик, на котором стояла ваза с красными хризантемами. Мистер Томпсон расположился рядом в кресле.

— Ничего не бойтесь, — сказал Деклер, провожая её к дивану. — Представьте, что вы только что раздавили злую волшебницу, а эти хмурые мужчины на самом деле живуны, которые пришли просить вас стать их королевой.

Деклер отошёл и занял стул немного впереди и сбоку.

— Дамы и джентльмены, — начал Деклер. — Меня вы все знаете.

Журналисты захлопали.

«Наверное, и этих угощал бесплатной выпивкой», — подумала Тереза.

— Посмотрите на бухту, — продолжил Деклер. — Там вы увидите прекрасный корабль «Звезда Востока», который в любой момент может увезти прочь от вас отважную путешественницу, мисс Одли. Но пока она перед вами и готова ответить на ваши вопросы.

Сказав это, Деклер захлопал в ладоши. Его поддержал мистер Томпсон. Аплодисменты журналистов в этот раз были более жидкими.

— Сегодня распоряжаюсь здесь я, — сказал Деклер. —
Прошу вас поднимать руку, и я буду давать вам слово.

Один из журналистов фыркнул, но тут же поднял руку.

— Пожалуйста, Уильям, — сказал Деклер. — Я уже вас
знаю. Знаю, что вы любите ирландский виски, но мисс Одли
пока с вами не знакома, поэтому прошу вас представиться.

Журналисты засмеялись.

— Уильям Дэй, «Кроникл», — представился любитель
ирландского виски. — Мисс Одли, что вы подумали, когда
ваш редактор сообщил вам о том, что вы отправляетесь в
кругосветное путешествие?

— Я подумала, что не успею посетить своего портного, —
честно призналась Тереза, чем вызвала смех.

— И вы совсем, совсем не испугались? — настаивал жур-
налист из «Кроникл».

Тереза пожала плечами:

— Бывало и пострашней.

— Это когда?

— Во время войны нам с семьёй пришлось выбираться из
южных штатов на Запад.

— А... — начал было снова Дэй, но его остановил Деклер.

— Мистер Дэй, — сказал он. — Возьмите старые журналы
«Метрополитен». Даже здесь, на краю света, в Гранд-отеле
они есть. В них вы найдете чудесные сказки, которые мисс
Одли написала, основываясь на этом своём путешествии с
Юга на Запад.

— Мистер Саймон, прошу вас, — Деклер указал рукой на седоватого джентльмена.

— Джордж Саймон, «Дейли телеграф». Я восхищаюсь вашей отвагой, мисс Одли, но что было самое трудное в вашем путешествии на текущий момент?

— Труднее всего было затолкать в чемодан все свои любимые платья, — сказала Тереза.

Когда все отсмеялись, девушка продолжила:

— Но если говорить серьезно, то труднее всего было покинуть родной дом, в котором на стенах висят фотографии родителей. — Тереза улыбнулась и продолжила: — Но мне сказали по секрету, что Земля круглая. Поэтому я знаю, что с каждой минутой приближаюсь к оставленному дому.

— Очень поэтично, — сказал мистер Саймон и сел на своё место.

Вопросы сыпались один за другим, и Тереза не заметила, как пролетело два часа. Со стороны бухты раздался гудок корабля. Возможно, «Пасифик» или «Звезда Востока» подавали сигнал, что приближается время обеда.

Журналисты довольные разошлись. К Терезе, всё ещё сидящей на диване, подошёл Деклер. Рядом с ним была эта русская.

— Вы — молодец, — сказал Деклер. — Я бы так никогда не смогла, — добавила русская.

«Ну, конечно», — подумала про себя Тереза, а вслух сказала:

— Спасибо, миссис Деклер.

— Просто Вера, — улыбнулась русская и протянула руку.

«У Деклера что ли научилась?» — подумала Тереза. —

«То он протягивает руку и предлагает мир. То теперь эта нависает в друзья!»

— Тереза, — сказала она и пожала протянутую руку. Рука русской оказалась на удивление крепкой.

Вера сидела перед зеркалом в новой каюте. Пока они были на встрече с журналистами, стюард перенес все их вещи с «Пасифика» на «Звезду Востока». Каюта была просторней, а кровать гораздо шире. На Вере была тонкая ночная рубашка с кружевами под горло и длинными рукавами. Эта рубашка Вере очень нравилась. Но больше всего ей нравилось, как на неё в такие моменты смотрел Андрей.

«Как жаль, — подумала Вера. — Я — снова я, а Андрею так и приходится носить чужую личину».

Андрей только вернулся с палубы, где прогуливался, давая ей возможность переодеться. Вера уже вытащила все заколки, распустила волосы, расчесала их и заплетала в косу.

Андрей подошёл к ней сзади, положил руки на её плечи и поцеловал в макушку.

— Тереза славная, — сказала Вера, смотря на отражение своего любимого в зеркале.

— Да, — согласилось отражение.

— Ты о ней заботишься, — сказала Вера.

— Да, — вновь согласилось отражение.

— А если бы не было меня? — начала Вера.

Андрей наклонился к плечу Веры, прижался щекой к её щеке и, смотря в зеркало, зашептал:

— Если б не было тебя, то для чего мне быть? День за днём находить и терять, ждать любви, но не любить... * Больше не помню.

— Больше и не надо, — сказала Вера, оборачиваясь и обнимая своего любимого мужчину.

(- строчки из песни Джо Дассена. Стихи Пьера Деланоэ и Клода Лемеля, музыка Тото Кутуньо и Паскуале Лозито. Автор перевода на русский, если я не ошибаюсь, А. Кортнев)*

Пыхтя после подъёма по лестнице, Бруно зашёл в кабинет главного редактора «Нью-Йорк пост». Джозеф Эпштейн сидел за своим столом и с грустным видом помешивал ложкой в стакане с чаем.

— Привет! Что, жена опять не дала? — спросил Бруно.

— Да пошёл ты, — вяло отмахнулся Джозеф.

Шутка была «бородатой». Каждый раз, когда Бруно её произносил, а Джозеф вяло посылал его куда подальше, тот так искренне разражался смехом, что Джозеф не мог не улыбнуться.

— Ну вот, — сказал довольный произведённым эффектом Бруно. — А говорил «старая шутка, старая...». Что случилось?

Джозеф вместо ответа перекинул через стол Бруно газеты. Бруно, кряхтя, поднялся из кресла, в которое успел сесть. — Что пишут наши заклятые друзья? — спросил он, раскрывая газету.

С некоторых пор «Нью-Йорк дейли мэйл», видя успех их «Нью-Йорк пост», тоже стала давать на своих полосах горячие новости. Любить её за это ни у Джозефа, который был главным редактором «Нью-Йорк пост», ни у его друга и зама «по сложным» вопросам Бруно Эспозито не было никаких причин.

— Смотри на полосе «Происшествия». Там перепечатка из одной французской газеты, — подсказал Джозеф.

— Так, — Бруно зашуршал страницами. — «Отважная путешественница Ева Полански утонула при переходе через Ла-Манш». — Что за бред!? — он посмотрел на Джозефа. — Это невозможно! Переплыть целый океан и утонуть в канале!?

Джозеф только пожал плечами.

— Впрочем, у меня был знакомый, который утонул в луже у порога своего дома. Веришь? — спросил Бруно.

— Нет, — ответил Джозеф. — Даже мы такую чушь не напечатает.

— А это ведь правда, — вздохнув, сказал Бруно. — Конечно, ему помогли.

— ?

— Никогда не догадаешься кто, — засмеялся Бруно. —

Пять скочей и голодный желудок.

— Наша Ева не пьёт, — сказал Джозеф. — Чёрт, неужели это произошло?!

— Всё враньё, — сказал Бруно, снова опускаясь в кресло.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому что это чушь собачья! Не могло такого произойти! — ответил Бруно. — Смотри, здесь ни слова про какой-нибудь шторм или что-то подобное. Был бы шторм, обязательно про него бы написали! А на пустом месте взять и утонуть? Так не бывает! Кроме того, там Макс. Он бы спас Еву.

— Макс — это кто? — спросил Джозеф.

— Тот живчик, которого я послал присмотреть за Евой, — ответил Бруно. — Тёртый калач.

— Что будем делать?

— Ждать вестей от Евы, — сказал Бруно. — И вот ещё что... Давай напишем у себя в газете, что давно не получали сообщений от Евы и беспокоимся за неё.

— Ты что задумал? — заинтересовался Джозеф.

— Смотри, после сообщения «Дейли мэйл» ставки на Еву у букмекеров просели. Так?

— Так.

— После нашей статейки не просто просядут, а рухнут. Так?

— Так.

— Но мы-то верим, что с Евой всё будет в порядке?

— Хотелось бы, — с сомнением в голосе сказал Джозеф.

— Это ты брось, — возразил Бруно. — Верить всему, что написано в газете, — последнее дело. Мы-то с тобой это точно знаем. В общем, когда ставки на Еву снизятся, мы ещё поставим на неё. А когда Ева снова выйдет на связь, срубим на этом денег.

— Неплохо, — сказал повеселевший Джозеф.

— Ну что? С этим решили? — спросил Бруно. — Теперь колись, что такой грустный был? Жена не дала? — и, не дожидаясь ответа Джозефа, он зашёлся от смеха.

— Макс, поздравляю тебя, ты её потерял, — пробормотал себе под нос немолодой джентльмен в добротном сером костюме.

У его ног стоял небольшой чемоданчик, на котором лежал легкий плащ. Джентльмен смотрел вслед уходящему в Бриндизи поезду. Когда последний вагон покинул вокзальный перрон, джентльмен снова повторил:

— Ты её потерял.

Правда, в интонации, с которой он произносил эти слова, не было ни грусти, ни сожаления. Так, легкая досада и, наверное, некоторая толика возбуждения.

«А то совсем закис», — посетовал про себя джентльмен.

Джентльмена звали Максимилиан Хофер. В Америке для всегда куда-то торопящихся американцев его имя было слишком длинным. Поэтому последние десять лет он откли-

кался на укороченную версию. Да и сам к этому привык. Даже как-то помолодел. Максимилиан — это солидно, а Макс — молодой парень, подай-принеси. Но Макса это устраивало. Ну не любил он солидности, степенности, дутой важности. Если и напускал иногда на себя эти черты, то только ради дела, для маскировки, ради определённой роли.

Какие только «роли» не играл в своей жизни Макс. Роль бухгалтера, как хотел его отец. Роль циркача, как требовало его юношеское сердце. Актера, когда Макс стал ставить душевные «выкрутасы» выше телесных и покинул цирк ради театра. Солдата, когда однажды по пьянке подписал договор с рекрутером. Раненого, умирающего на поле боя. Снова циркача, но теперь уже уличного, за кусок хлеба или монетку. Роль иммигранта, плывущего среди бушующих волн за счастьем в Новый Свет. И наконец роль гангстера в большом американском городе Нью-Йорке.

Последнее время Макс изображал из себя работника типографии. Каждую неделю он заходил в её бухгалтерию и исправно получал зарплату. Этим его обязанности как работника типографии и ограничивались. Платили ему совсем не за типографскую работу. Поручения ему давал сам Бруно Эспозито, который теперь также, как и Макс, занимался издательским бизнесом.

Поручения были разные. Смысл их всех был один.

«Есть проблема, Макс. Надо решить», — говорил Бруно. И Макс решал. Это только поначалу проблема или задачка

ка, как любил выражаться сам Макс, кажется неразрешимой. Вот, к примеру, как стать акробатом худому и слабому юноше, весь день сидящему над бухгалтерскими книгами. Никкак? Но Макс же стал! Правда, тогда он действовал больше по наитию. Его, как сорвавшегося с цепи кобеля, вёл нюх и желание. Сначала он устроился уборщиком в захвативший в их австрийский городишко цирк типа «шапито». С ним он и сбежал от родных пенатов. Потом соблазнил дочку хозяйна цирка и женился на ней. Хозяин его и подтолкнул повыше, в прямом и переносном смысле. То, что он худенький, оказалось плюсом для работы акробата, а потом и мышцы выросли.

Так постепенно в голове Макса сформировался метод решения любой задачки. Для этого её надо было разбить на части. Разделить большую задачу на задачи маленькие и простые, которые можно решить. Не страшно, что вместо одной задачи появляется десяток. Зато все они решаемые. Нужно только усердие и время. А взамен ты получаешь удивленные восклицания «Молодец, Макс! Не ожидал!», а ещё вот такие непыльные поручения, как проследить за молодой девицей, Евой Полански, пока та едет вокруг света. Ну и помогать ей незаметно.

Поручение было скучным. Плавание на корабле через океан не понравилось Максусу. Оно напомнило ему другое такое же плаванье, только в другую сторону, из Европы в Америку. Голодное, вшивое и тоскливое. Бр-р. Ева почти

всё плавание не выходила из каюты. Болела. Самого Макса морская болезнь не брала. Наверное, помогли те годы, когда Макса крутили и подбрасывали на арене цирка.

Потом стало поживее. У мисс Полански, за которой он присматривал, словно пятки горели. Только успевай! Дальше ещё интересней. При переходе через Ла-Манш пришлось даже вмешаться. Корабельный воришка хотел обчистить его подопечную. Тут бы путешествию и конец. Куда без денег двинешься? А вот теперь стало совсем интересно.

Подвели Макса его ум и опыт. А другими словами, самоуверенность. Если бы он просто следовал за Евой и её спутником, то никогда бы не потерял след. Но Макс перемудрил. Он специально крутился неподалёку от своего объекта наблюдения и не раз слышал, что перед тем, как отправиться в Бриндизи, Ева заедет в Амьен. Встретиться со своими кумирами, прославленными писателями братьями Вернами.

«Ну и что за ней мотаться?» — решил Макс.

Он стоял за спиной француза, спутника Евы, когда тот покупал билеты на поезд до Амьена, потом обратно от Амьена до Кале и, наконец, из Кале до Бриндизи. И всё в двух экземплярах.

«Дождусь их здесь», — решил Макс, а сам отправился в одно весёлое заведение, которое посещал когда-то в молодости.

«Ностальгия, что поделаешь?» — подумал тогда Макс.

Глава 4. Человек с подоконника

Оказалось, что не один Максимилиан Хофер потерял Еву Полански. К Максу подбежал запыхавшийся молодой человек. Был он весь какой-то клетчатый. Клетчатый пиджак, клетчатая кепочка, на ногах крепкие ботинки, толстые гольфы, в которые были заправлены клетчатые брюки.

— Мадемуазель Полански не видели? — спросил он Макса на французском языке.

Макс немного знал этот язык, поэтому смог понять и ответить:

— Нет.

— Что же делать? — выдохнул молодой человек. — Я обошёл все вагоны, заглянул в здание вокзала. Её нигде не было. Вы из какой газеты?

Макс немного подумал, а потом сказал:

— «Нью-Йорк пост».

— Да? Приехали тоже писать о женщине-путешественнице?

— Нет.

— А зачем? — Повидать свою старую маму.

Видно, такого ответа молодой человек не ожидал, поэтому сразу прекратил допрос Макса. А когда он снова хотел о чём-то спросить, его окликнули. Из здания вокзала вышел по всей видимости фотограф. Большая тренога и закреплён-

ная на ней камера намекали, что именно этой профессией он зарабатывает себе на жизнь.

— Робер! — крикнул фотограф. — Мы будем сегодня снимать или нет?!

Этот вопрос, видимо, переменял направление мыслей «клетчатого» молодого человека. Он задумался, а потом хлопнул себя по бедру и воскликнул:

— А вдруг она утонула?

Это предположение смутило Макса. Как такое можно говорить!? Он сам видел, как Ева вместе со своим спутником достигли Кале и уже из Кале отправились в Амьен. Не было и нет никакого моря ни по дороге в Амьен, ни обратно.

— Этого не может быть! — сказал Макс.

— Почему? Каждый год бывают утопленники!

«Весомый аргумент», — подумал про себя Макс. — «Видно, Роберу во что бы то ни стало надо сдать сегодня материал в газету».

— Жустен! — Робер крикнул фотографу. — Ищем повозку и едем вдоль побережья. Будем фотографировать утопленницу.

— Наконец-то, давно бы так, — облегченно вздохнул фотограф.

Макс проводил журналистов взглядом. «Давно я не был в Европе. Отвык».

Стоять на перроне не было больше никакого смысла. Он зашёл в здание вокзала, нашёл ресторан, заказал поесть и

выпить. Пора было составить план поиска Евы.

Возвращаться в Кале не стали. Успели выйти из поезда до его отправления, потом дождались поезда, идущего в Париж, и через несколько часов оказались в столице Франции. За это время Ева успела пожалеть о своём импульсивном решении не продолжать кругосветку, потом снова поверить в Луи, потом снова пожалеть, а затем пришло спокойствие. У Евы рядом был верный спутник, который смотрел на неё с обожанием. Он был вежлив, сам платил за проезд и еду. Они остановились в прекрасной гостинице, в отдельных номерах, а за окном был чудо-город Париж. За два дня, прожитых здесь, Луи провёл её по всем известным улочкам старого города, гордо рассказывая и показывая достопримечательности французской столицы.

Больше всего Еве понравился Собор Парижской Богоматери. Воспоминания от прочитанной в юности книги были ещё свежи. Она несколько раз обошла собор кругом, посидела в его садике, повздыхала, что нельзя подняться на крышу здания и увидеть знаменитых горгулий.

Потом был снова поезд, теперь до Шале-Бриём. По приезде Луи нанял экипаж, и они отправились в его замок. Всю дорогу Ева гадала, как Луи выкрутится из трудного положения. В то, что у него нет никакого замка, Ева убедила себя твердо. Скорее всего, он подвезёт её к каким-нибудь развалинам и скажет: вот, мол, мой замок, а денег пока на восстановле-

ние нет. Потом отвезёт её в сельскую гостиницу и попытается затащить в постель. Или поступит хитрее. Подвезёт её к какому-нибудь настоящему замку с башнями и рвом. Подговорённые Луи люди будут его приветствовать, а Ева, как последняя деревенщина, должна будет этому верить. В замок они, конечно, не пойдут. Луи для этого что-нибудь придумает, а потом снова сельская гостиница и снова попытки затащить в постель. Эти мужчины такие предсказуемые!

В начале так и получилось. Экипаж остановился перед холмом, на котором возвышались останки древнего замка. Ева разглядела крепостную стену и полуразрушенный донжон. Молодые деревья и кустарники окружали остатки замковых строений, и от этого казалось, что развалины погружаются в землю.

— Ума не приложу, что с этим делать, — сказал Луи. — Снести не поднимается рука, а на восстановление нет свободных денег. Торговля требует оборотных средств.

«Понятно, понятно», — про себя проговорила Ева.

— Поедем дальше? — спросил Луи.

— В сельскую гостиницу?

— Почему в сельскую гостиницу? — удивился Луи. — В мой дом.

— Поехали, — согласилась Ева, а про себя подумала: «Он придумал что-то более хитрое».

За холмом оказалась большая деревня и река. На берегу реки, немного в стороне от деревни, стоял небольшой, как

показалось сначала девушке, дом, окружённый железной изгородью. К нему и поехали.

По мере того как они подъезжали, домик становился всё больше и всё больше нравился Еве. Двухэтажный, да ещё с мансардой. На каждом этаже по шесть высоких окон. Под окнами второго этажа висели горшки с цветами: жёлтые, красные, зелёные. Они придавали серому зданию праздничный вид.

«Хорошие у них тут сельские гостиницы», — подумала Ева.

Их уже заметили. Подбежал мальчишка и открыл кованые ворота. Экипаж, не останавливаясь, подъехал к высокому крыльцу. Из дома вышел средних лет мужчина. Слегка поклонился:

— Рад вас приветствовать, граф. Прикажете накрывать на стол?

«А, может быть, Луи всё же не врёт?» — подумала Ева.

Ей вдруг очень захотелось, чтобы всё это оказалось правдой.

Всё оказалось правдой.

Уже два дня Ева жила в доме Луи де Бриёма. У неё была отдельная комната на втором этаже. Ели они в большой столовой, гуляли по окрестностям, заходили в деревню, поднимались на замковый холм, с которого был уже виден океан. А ещё в доме была большая библиотека. Правда, книги были

на французском и немецком языках, но Ева с удовольствием разглядывала картинки в них.

Сейчас они с Луи сидели за обеденным столом и пили принесённый слугой кофе.

— Ева, — сказал Луи. — Тебе хорошо? Ты не скучаешь?

— Ну что ты, Луи, — ответила Ева. — Эти булочки с джемом просто прелесть!

Молодой человек вытаращил глаза, и Ева поспешила его успокоить:

— Я пошутила, Луи, — сказала она. — Мне у тебя очень нравится. Мне никогда ещё в жизни не было так хорошо.

— Ева, — начал он. — Ты знаешь, как я к тебе отношусь...

— Луи, — остановила его Ева. — Не обижайся. Дай мне ещё немного времени.

Её голос был таким ласковым, а её лицо таким милым! Луи понял, что он готов повторять свой вопрос снова и снова только ради того, чтобы снова это услышать и увидеть.

— Луи, — выражение лица Евы изменилось. Ну не могла она всё время быть пай-девочкой. — Я хочу узнать о тебе побольше.

— Я не против, — сказал тот.

— Ты знаешь, в газете меня всё время отправляли брать интервью. И меня хвалили, — похвасталась Ева. — Сейчас я у тебя буду брать интервью.

Ева погрозила собеседнику пальчиком.

— Я выясню всю твою подноготную. Тебе ничего не удастся скрыть от ведущего репортёра «Нью-Йорк пост»!

— Я готов, — на лице молодого человека была счастливая улыбка. Эта игра ему нравилась.

— Если будешь отвечать правдиво, я, может быть, разрешу тебе меня поцеловать, — тоже улыбаясь, сказала Ева. — Я за своим блокнотом. Жди меня.

В своей комнате она открыла сумку, достала блокнот и карандаш.

— Ну, держись, Луи! — вслух сказала она.

— Добрый день, мисс Полански, — раздался мужской голос за её спиной.

— Ах, — сказала Ева и села на удачно оказавшийся рядом с ней стул.

На подоконнике открытого окна стоял мужчина средних лет с совершенно непримечательным лицом. Если судить по одежде, то Ева сказала бы, что это был банковский клерк. Банковский клерк, который несколько дней трясся в поезде, а теперь через окно забрался в её комнату, чтобы... Чтобы что?

— Что вам нужно, месье? — спросила Ева.

— Не бойтесь меня, мисс Полански, — вместо ответа сказал мужчина. — Я ваш друг.

Он достал бумажник, а из бумажника — причудливо разрезанную пополам долларовую купюру.

— У вас должна быть вторая половинка, — сказал мужчина.

«Как это было давно?» — подумала Ева.

В мыслях она уже распрощалась и со своим путешествием, и со своей работой в газете, и тем более она и думать забыла, что ей там говорил главный редактор, отправляя в путь.

— Да, да, — сказала Ева. — У меня где-то была такая же. Я вам верю. Вы от Джозефа?

— Да, — подтвердил мужчина. — Вы позволите мне слезть с подоконника?

Ева кивнула.

Мужчина прикрыл окно, но остался стоять рядом с ним.

— Мисс Полански, — снова заговорил он. — О вас уже беспокоятся.

— С чего бы это? — к Еве уже вернулось самообладание. — У меня всё хорошо.

— Не все так считают, — сказал мужчина и протянул ей какую-то газету. — Посмотрите на это.

Он положил газету на небольшой столик, который стоял у стула, на который так удачно приземлилась Ева.

Газета была слегка помята. Видно, мужчина носил её сложенной в кармане. Газета называлась «Пресс» и была достаточно свежей — на ней стояла позавчерашняя дата. Текст был на французском, и вчитываться в него Ева не стала. Не знала она французского. Но это и не нужно было. Смысл ста-

тьи, размещённой на первой полосе, был понятен и без перевода. Обо всём говорила фотография, как видно, утонувшей женщины, внизу которой стояла подпись. А в подписи Ева разобрала своё имя «Ева Полански».

— Они что, все с ума сошли? — воскликнула Ева.

— Журналисты ожидали вас на вокзале в Кале, но поезд в Бриндизи ушёл без вас. Они так расстроились, что пошли вас искать по берегу и нашли.

— Но я не утонула!

— Я рад, мисс Полански, — сказал мужчина.

— Но что вы собираетесь делать?

— Вам опровержение! Что можно ещё тут сделать?

— Я не об этом, мисс Полански, — сказал мужчина. —

Когда вы собираетесь продолжить своё путешествие?

Ева полностью пришла в себя. Отчасти этому помогла дурацкая статья в газете. Она встала, подошла к двери и прикрыла её.

— Понимаете... как кстати вас зовут?

— Макс, Макс Хофер.

— Понимаете, Макс, скорее всего, я уже никуда не поеду, — сказала Ева.

— Почему?

— А зачем, Макс?

— Не знаю, — мужчина пожал плечами. — Так, наверное, вы зарабатываете на жизнь.

— На жалкую жизнь, Макс, — с горечью сказала Ева. —

А сейчас у меня есть шанс всё изменить.

— Посмотрите, Макс, — сказала она. — Я живу в прекрасном доме, ем вкусную еду, рядом со мной человек, который обожает меня и готов на большее. Зачем мне ехать куда-то от этого? Что мне это даст? Да от одной только морской болезни я чуть не умерла! Ради чего мне терпеть эти страдания?! Разве в конце пути меня будет ждать такой же дом, такая же пища, такая же мягкая постель, любящий мужчина? Ответьте, Макс, только честно!

— Что будет в конце пути, я не знаю, мисс Полански, — мягко ответил Макс. — Но я знаю другое.

Макс замолчал, глядя на Еву.

— Что другое? Почему вы замолчали? — забеспокоилась Ева.

— Мисс Полански, — продолжил мужчина и показал на зеркало, висящее на стене. — Посмотрите в это зеркало. Что, а вернее, кого вы видите?

— Что за шутки, Макс? Вы что, фокусник? — возмутилась Ева.

— Приходилось быть и фокусником, — не смутился Макс. — Но сейчас я просто ваш друг. Поэтому прошу вас, просто взгляните на себя в зеркало.

Ева немного поколебалась, подошла к зеркалу в красивой ковanej рамке и посмотрела на себя. Приятное овальное лицо, пухлые губы, немного печальные карие глаза, вьющиеся светлые волосы, зачесанные назад.

«Хорошенькая, — подумала Ева. — Не удивительно, что я понравилась Луи».

— Посмотрела. И что? — повернулась она к Макс.

— Кого вы увидели там? — опять взялся за своё Макс.

— Кого-кого? Симпатичную молодую женщину, — ответила Ева.

— А кого видит ваш спутник, мистер де Бриём?

— Ну не вас, конечно, — огрызнулась Ева. — Он не слепой. Он видит всё то же, что вижу я.

— Не соглашусь, — сказал Макс и поднял руку, останавливая возражения Евы. — Он видит не вас, а, вернее, не только вас. Не только симпатичную молодую женщину. Когда он смотрит на вас, он видит отважную путешественницу, которая с одним-единственным саквояжем едет вокруг света. Вы понимаете меня?

— Конечно, вы же говорите по-английски, — съязвила Ева. — К чему вы клоните, Макс?

— Вы симпатичная женщина, Ева, — добавил душевной теплоты мужчина. — Но, извините за прямоту, как вы считаете, до вас мистеру де Бриёму попадались симпатичные женщины? Ответьте, Ева, только честно.

Ева молчала. Заявлять, что она самая красивая, она не дура. Она уже понимала, к чему клонит Макс, хотя полностью это понимание ещё не сформировалось в её голове. Она не позволяла себе этого сделать. Иллюзия, туман, которые ещё десять, двадцать минут назад были у неё в голове, были так

сладки.

— Что будет, когда вы скажете мистеру де Бриёму, что не собираетесь продолжать своё путешествие? — продолжал безжалостно Макс. — Останется ли у него к вам прежний интерес? Будет ли он также к вам внимателен? Не поменяются ли его планы на жизнь? Свою и вашу?

— Вы жестоки, Макс, — сказала Ева и снова села на стул.

— Не я, Ева, — возразил Макс. — Жизнь.

Они помолчали.

— И что мне делать? — спросила Ева.

— Решать вам, — ответил Макс. — Всё это вокруг не ваше. Даже если вы выйдете замуж за мистера де Бриёма, это всё равно будет не ваше. Если вы продолжите свой путь, совершите кругосветное путешествие, вы будете первой женщиной, обогнувшей Землю. Этого уже у вас никто не отнимет. Это будет вашим до конца жизни.

Макс замолчал. Ева ничего не сказала в ответ.

— Вот два билета до Бриндизи, — сказал Макс.

Он положил два кусочка картона с зелёными полосками на столик рядом с газетой, в которой Ева была объявлена утопленницей.

— Решать вам, — повторил Макс и направился к окну.

Он легко, что было неожиданно для его возраста, запрыгнул на подоконник.

— С вашего позволения, я выйду тем же путём, — сказал Макс. — У меня там лестница. Надо положить её на место.

Зачем обижать хозяев? Прощайте, Ева. Я почему-то думаю, что вы примете верное решение.

Макс исчез за окном.

Ева подошла к столику, взяла в руки билеты.

«Вот всё, что у меня есть, — подумала она. — И это „всё“ уместилось в моей маленькой руке».

Она прошла по комнате, ещё раз взглянула на билеты, а потом спустилась по лестнице. Когда она вошла в столовую, где её ждал Луи, это была уже прежняя Ева — смелая, решительная, бескомпромиссная.

— Луи, — сказала она, помахав над головой билетами. — Путешествие продолжается. Ты со мной?

«Сегодня умер молодой китаец с руками, словно это были руки статуи из музея восковых фигур. Он боролся до конца, стараясь удержать в своей груди кипящее пламя, до тех пор, пока не увидит свой родной дом. Но оно с хрустом вырвалось из его тела, словно хотело достать скрывшийся вдали берег Японии. Четверо других китайцев вынесли его на палубу на полотнище из парусины. Судовой доктор кивнул головой, труп завернули, для прочности завязали верёвками, а к ногам прикрепили груз. Затем подняли, уложили на доску, балансирующую на борту корабля, и отошли назад. Два матроса медленно наклонили доску, и восковый китаец отправился в последний путь. Море всхлипнуло от неожиданной полученной жертвы и оскорбилось её малостью. К ночи

недовольство переросло в ярость, и море своими громоподобными кулаками стало биться в наши двери. Оно выбрало своей целью борта нашей „Звезды Востока“, зная, что за ними скрываются более достойные жертвы. Четыре дня гневно ревело море, четыре дня оно испытывало на прочность наши редуты, настаивая на ...»

Тереза убрала карандаш в сумочку, а саму сумочку повесила на угол кровати. Сумочка тут же начала раскачиваться. Океан и вправду штормило несколько дней. Воду приходилось пить осторожно, а про вино в бокалах — забыть. Тереза бы не удивилась, узнав, что после шторма корабль остался без этой изящной посуды.

Парадоксально, но в момент перехода из Сан-Франциско в Йокогаму легкое волнение океана принесло Терезе ужасную морскую болезнь. Сейчас же, несмотря на шторм, она чувствовала себя хорошо: ни тошноты, ни головной боли. Шторм, конечно же, принёс с собой страх и определённые неудобства. Страх был совершенно не обоснован, так как такому современному кораблю, как «Звезда Востока», шторм был явно не помеха. А неудобства сводились к сложностям в быту, да карандаш время от времени выводил каракули вместо аккуратных букв, когда Тереза писала свои путевые заметки. Но шторм — ведь это не навсегда. Поэтому можно и поголодать какое-то время, а вместо путевых заметок просто обдумать в голове новые сюжеты.

Девушка легла в постель, обложила подушками. Смерть

молодого китайца была, наверное, трагедией для его семьи, но совершенно незначительным событием для пассажиров «Звезды Востока». И всё же Тереза сочла необходимым его записать. Там будет видно, оставить его в будущей книге про своё путешествие или нет. Вслед пришли мысли о Японии, которую она до обидного мало посмотрела. Если бы не посещение в конце вынужденной стоянки то ли театрального представления, то ли местного религиозного обряда, то и описывать было бы нечего. Не рассказывать же про набережную вдоль английского сэттльмента и убогие японские лавочки вокруг.

После пресс-конференции, этой очередной выдумки Деклера, капитан «Пасифика», мистер Хемпсон, пригласил её посмотреть на некую сценку из местной жизни. Вместе с ними на представление собралось ещё пять человек. Среди них были знакомые лица, например, мистер Томпсон. Ну куда же без него?! Но Тереза, к своему удивлению, увидела ещё и предводителя пресвитерианцев, мистера Скотта.

Приглашая в её поездку, капитан Хемпсон говорил, что ничего подобного журналистка ещё не видела.

«На что он, интересно, намекал тогда?» — подумала Тереза. — «Стоит ли теперь на него обидеться? Хотя где теперь этот капитан Хемпсон? Наверное, плывёт обратно в Сан-Франциско. Счастливец!»

Терезе остро захотелось оказаться дома, в своей комнате, в своей постели, а не посреди ревущего океана. Но это была

минутная слабость. Да, она с каждой минутой удаляется от своего родного берега, но и одновременно с каждой минутой приближается к нему. Земля ведь, как утверждал мистер О'Хара, репортёр «Метрополитена», круглая.

«А что, если нет?» — крошечный червячок сомнения закопошился в глубине её души.

Слишком трудно было поверить в то, что если Земля — шар, то где-то там, внизу, люди разгуливают вниз головой, и от этого у мужчин не слетают шляпы с головы. Про женские шляпки Тереза не беспокоилась. Ведь они либо подвязывались ленточкой под подбородком, либо крепились заколками к волосам. Округлость Земли никак не угрожала женским шляпкам.

Журналистка рассмеялась и этим словно разозлила океан. На корабль налетел шквал, в борт ударила волна, внутренности корабля жалобно заскрипели, и его ощутимо качнуло.

А ещё мистер О'Хара говорил, что, вернувшись из путешествия, она будет другой.

— Почему? — поинтересовалась тогда Тереза.

— Так всегда бывает, — сказал, пожав плечами, пожилой репортёр, а потом, улыбнувшись, добавил: — Закон природы.

Поездкой на японское представление распорядился капитан Хемпсон. Откуда-то появились двухколёсные повозки, в которые впряглись одетые только в набедренные повязки японцы.

«Какой ужас?!» — подумала девушка.

Спроси сейчас Терезу, к чему относилось это «какой ужас» — к тому, что ей придётся ехать на повозке, запряжённой человеком, или к тому, что этот человек-возница едва одет, — она бы не смогла ответить. За неё на этот вопрос ответил мистер Томпсон.

— Не стесняйтесь, — сказал он ей. — Мы помогаем зарабатывать этим бедолагам на хлеб для семьи.

Сам мистер Томпсон спокойно забрался в повозку, которая под ним жалобно скрипнула.

«Хорошая отговорка», — подумала журналистка, забираясь в повозку. Терезу повозка, казалось, совсем не заметила.

Раздалась гортанная команда. Возчик Терезы тоже что-то кашлянул, и вся процессия тронулась. Ехали минут двадцать вдоль моря, потом свернули в горы и остановились около одиноко стоящего здания.

«Красивый... сарайчик», — назвала про себя это здание Тереза.

Сарайчик — потому что здание было небольшим и каким-то несерьёзным. Вместо стен — заборчики из выкрашенных в красный цвет жердей, такого же цвета были хлипкие решётчатые двери. Только крыша со слегка загнутыми вверх краями выглядела монументально. И ещё... Каждая деталь этого «сарайчика» была сделана настолько аккуратно и изящно, что называть его сарайчиком без эпитета «красивый» было совершенно невозможно. Стояло здание на фун-

даменте из больших гранитных блоков. Это был завершающий штришок. Всё вместе говорило, что это здание не просто хозяйственная постройка.

— Это их церковь, — сказал Терезе оказавшийся рядом с ней пресвитерианский священник.

Приехавшие остановились, не доходя здания, на краю утопанной площадки. Рикши со своими повозками ушли в глубь леса, который окружал здание, и растянулись на траве.

В стороне от пассажиров «Пасифика» расположилась небольшая группа японцев, как видно, крестьян. В отличие от иностранцев японцы сидели на земле, поджав колени под себя.

Раздались звуки свирели, и из здания вышла небольшая процессия. Впереди двигались несколько человек, игравших на свирелях, как видно, выполненных из бамбука, а на головах у них были большие тростниковые корзины. Перед лицами музыкантов плетение корзин было редким, что позволяло им видеть дорогу. За ними двигались четыре девушки в чёрных халатах. Шествие замыкали несколько человек в львиных масках, бивших палочками в небольшие барабаны.

Когда все вышли на площадку, музыканты уселись перед храмом, а девушки медленно начали водить хоровод.

«Это просто танец или какой-то обряд?» — подумала Тереза.

Вдруг со стороны храмовых ворот выбежал ещё один человек. Лицо у него было закрыто мужской маской. Чтобы

никто не ошибся, что это мужчина, маска изображала густую чёрную бороду и взъерошенную шевелюру. Он проник внутрь медленного хора девушек и начал бешено кружиться. В его руках была толстая, короткая палка, выкрашенная, как и многие детали храма, в красный цвет. Человек время от времени подбегал к той или иной девушке, представлял красную палку к своему паху и делал непристойные движения.

Тереза почувствовала, что краснеет.

Иногда этот человек бросался к группе наблюдающих представление японских крестьян и начинал делать свои движения с палкой в их сторону. Крестьян это ничуть не смущало, а даже радовало. Они смеялись и призывно махали руками. Потом этот танцор возвращался обратно в круг танцующих девушек.

Резко взвыли свирели, и одна из девушек вышла из хора и распахнула полы халата. Под ними был ещё один халат, но крестьяне восторженно закричали. Человек с палкой подскочил к девушке и что-то прокричал. Девушка неожиданно громко прокричала в ответ.

Тереза беспомощно оглянулась.

— Они кричат «у меня выросло, а у меня не выросло», — пояснил стоящий рядом капитан Хемпсон, а пресвитерианец усмехнулся.

В этот момент и человек в мужской маске, и девушка начали ритмично двигать телами.

Терезе показалось, что у неё покраснело не только лицо. Казалось, что всё её тело стало красным и горячим. Но, к счастью, представление скоро закончилось.

Прощаясь — ведь она уже переехала на «Звезду Востока», — капитан Хемпсон дал ей небольшое пояснение.

— Как вы думаете, что мы видели на этом представлении? — спросил он и, увидев возмущение на лице Терезы, поспешил добавить: — Это совсем не то, что вы могли подумать.

— А что? — спросила журналистка.

— Это были их боги. Так, по их мнению, родились японские острова, — ответил Хемпсон.

— Вот с этим нам и придётся бороться, — добавил священник, который тоже подошёл попрощаться с Терезой.

Сейчас, лежа в постели, девушка вспомнила, какими были лица японских крестьян, когда они смотрели на представление. Спокойными и радостными. Интересно, как мистер Скотт будет с этим бороться? Как он будет перевоспитывать этих местных жителей? Расскажет им об Адаме и Еве? Пойдя на поводу у змея-provokатора, люди отведали плод познания и были изгнаны из рая. «Сколько всего в этой легенде!?» — подумала Тереза. Тяга к запретному, отвращение перед скользким змеем, стыд от вдруг открывшейся наготы, чувство вины за нарушенный приказ. Отвращение, стыд, вина. Эти чувства мистер Скотт хочет привить японским крестьянам?

Ответа Тереза не знала. Но мысленные рассуждения по-

могли ей забыть про бушующий вокруг шторм, и она заснула.

«Хоть похоже на Россию, только всё же не Россия», — мог бы сказать я после знакомства со «Звездой Востока». Корабль был точной копией «Пасифика», но всё же на новом корабле я чувствовал себя не так комфортно, как в предыдущем плаванье. Может быть, всё дело было в капитане. С капитаном Хемпсоном у меня сразу, как только я ступил на борт «Пасифика», установились... ну, если не доверительные, то тесные отношения.

Капитан «Звезды Востока», мистер Адамс, возможно, был отличным капитаном, но при этом весьма неприветливым человеком. К такому лучше не лезть с вопросами! Не думаю, что история с Генрихом, случись она на «Звезде Востока», прошла бы так же гладко, как на «Пасифике».

Приём пищи здесь, в капитанском салоне, был именно приёмом пищи, а не светскими посиделками, к которым я привык на «Пасифике». Начинаясь было за едой разговоры быстро замолкали. Для этого капитану Адамсу даже не надо было ничего делать. Его угрюмое выражение лица просто давило любую словесную активность. Хотелось быстро сделать заказ, потом проглотить принесённую пищу и незаметно вернуться в свою каюту.

— Фух, — как-то сказала Вера после очередного такого ужина. — Давай будем заказывать еду в каюту.

— Давай, — поддержал я.

И мы перестали ходить на ужин в капитанский салон. Шторм ещё больше способствовал нашему уединению. Выходить на качающуюся палубу, чтобы вымокнуть от брызг, которыми щедро одаривал океан «Звезду Востока», ударяясь волнами об её борта, совсем не хотелось. Но мы с Верой находили себе занятие. Как ни крути, это был наш медовый месяц.

Плохо получалось общаться с Терезой. Приглашать её одну к себе в каюту было неудобно. Ещё неудобнее было приходиться самому к ней. Можно было бы, конечно, постучаться к ней в дверь, как я это делал в студенческие времена, в общезитии, когда мне надо было кого-нибудь вызвать из комнаты, где жили девчонки.

Тук-тук.

— Можно (далее шло имя девушки) на минутку!

Девушка выходила из комнаты, и мы стояли, прислонившись к стеночке, и обсуждали свои межгендерные вопросы.

Я представил, как мы могли бы стоять с Терезой у двери в её каюту и обсуждать материалы сказки «Волшебник Изумрудного города». Я стою, опершись плечом о стенку каюты, а она рядом, склонилась над листочками и что-то черкает в них. Как по мне, так вполне нормально, но для этого времени, скорее всего, невозможно. Народ здесь простой. Что могут делать, оставшись наедине, мужчина и женщина? Сказку обсуждать? Не смешите мои ботинки! Секс и только

секс! Хотя, наверное, такого слова здесь не знают. А раз незамужняя женщина позволяет себе оставаться один на один с неким мужчиной, то почему бы не попробовать проделать то же самое и другому мужчине. Думаю, что дверь каюты Терезы просто содрогалась бы от стуков пришедших выразить ей своё «уважение» мужчин и не понимающих, почему им не открывают.

Поэтому приходилось поступать по-другому. Я писал продолжение сюжета сказки, крался к дверям каюты Терезы и без стука (не дай бог кто услышит) подсовывал листки в щель под дверь. Затем прогуливался вдоль коридора, пока не видел, что с другой стороны появлялись ответные листки. Я быстро их подхватывал и возвращался в свою каюту.

Мне нравилось, как по моему сюжету писала сказку Тереза. Тот случай, когда ещё на палубе «Пасифика» журналистка вручила мне вариант сказки, где Элли была изображена совершеннейшей стервой, больше не повторялся.

Писать сказку мы не торопились. Тереза, наверное, считала, что сказка скоро закончится, что Элли вот-вот благополучно вернётся домой, и растягивала удовольствие. А, может быть, просто у неё была такая манера письма. Я не торопил события, потому что мне надо было продлить нашу совместную писательскую деятельность до конца путешествия, а оно было только в самом начале.

Продлить? Зачем? Это — твоя работа. Работа? Ах, да... работа... Порой на меня что-то находило, и, возможно, из-за

шторма и замкнутого пространства недавнее прошлое: Сан-Франциско, ранение в голову, поручение Маккелана — казались мне чем-то далёким и не настоящим, причудливым сном, который вот-вот будет развеян запахом утреннего кофе. Может быть, всё на самом деле так, как есть? Я действительно англичанин, путешествующий по свету со своей молодой женой, а написание сказки с Терезой — это просто причуда скучающего аристократа?

Я возвращался от Терезы с исписанными листочками в каюту и думал, что хорошо бы, чтобы этот шторм поскорее закончился. Тогда я смогу выйти на палубу, сделать вместе с Генрихом зарядку и, таким образом, прочистить свои мозги. Иначе я совсем утону в своих фантазиях.

Глава 5. Пустая рука

Шторма хватило на четыре дня. Затем море стихло, словно и не бушевало вчера. Все заторопились на воздух. Вера стала собирать свой этюдник, а я решил проверить свои скрытые способности. Ведь что-то было там, в кабинете у британского консула, когда я так метко стрелял из револьвера, а в голове стояла звенящая пустота.

Проверку я решил провести утром, во время зарядки с Генрихом. Место нашли там же, на верхней палубе, за капитанской рубкой. Встали мы с Генрихом пораньше, чтобы избежать лишних взглядов. Со стороны рубки, конечно, на нас поглядывали, но ничего не говорили.

Я заранее сходил к каптенармусу «Звезды Востока» и сторговал у него корабельную швабру. Правда, мне нужна была не сама швабра, а только палка от неё, но каптенармус запросил с меня целый доллар, упирая на то, что это очень хорошая швабра. Ну, швабра, так швабра. Заверните.

Нижнюю часть швабры я всё равно оставил этому деляге. Пусть впаривает её кому-нибудь ещё. Мне всё равно. Сама палка оказалась мощным, сантиметров три-четыре в поперечине, древком. Всё правильно. Возить этой шваброй по палубе должны были не слабые женщины, а крепкие матросы. Я попытался раздобыть у того же каптенармуса наждачную бумагу, чтобы слегка отполировать будущий спортив-

ный снаряд. Всё-таки руки у Генриха понежнее, чем у матросов. Но наждачки не оказалось. Каптенармус даже не знал, что это такое. Пришлось пойти длинным путём.

Я попросил стюарда, который приносил нам с Верой в каюту еду, найти мне пару осколков какой-нибудь разбитой бутылки и кусок парусины. Тот удивился, но, так как после каждого вызова я давал ему хорошие чаевые, просьбу мою выполнил. Пока бушевал шторм, я обрабатывал будущий инструмент испытаний. Сначала отскоблил древко полученным куском стекла. Так я убрал наиболее крупные шероховатости, а потом пару дней полировал дерево куском парусины. В конце концов парусина превратилась в лохмотья, но поверхность древка стала более гладкой.

Вера читала какую-то французскую книгу, взятую из корабельной библиотеки, время от времени посматривала на мои столярные занятия и чему-то улыбалась.

Вот этим древком и должен был «колоть» меня, как копьём, Генрих, а я должен был попытаться вызвать то состояние звенящей пустоты, которое ощутил во время стычки с японцами.

— Давай, — сказал я.

Генрих вполне сносно ткнул меня палкой. Поскольку я остался на месте, то в последний момент он задержал удар.

— Нет, так не пойдёт, — сказал я. — Бей по-настоящему.

Он ударил и... не задержал удар. Древко впечаталось мне

прямо в центр живота, и будь у Деклера менее мощное тело, мне пришлось бы худо. Я выдохнул и сказал:

— Нормально.

Затем Генрих повторял удары, а я уворачивался от них. То ли Генрих бил недостаточно быстро, то ли ещё по какой-то причине, но, чтобы увернуться от его ударов, мне не требовалось никаких суперспособностей. Шаг в сторону, разворот на передней ноге — и я оказывался за спиной у мальчишки. Ни звенящей пустоты в голове, ни ощущения необычности происходящего. Я даже краем глаза успевал заметить проходящих недалеко и косящихся в нашу сторону пассажиров и пробегающих мимо нас по своим делам матросов. Даже смог сделать вывод, что, скорее всего, все матросы на «Звезде Востока» были китайцами.

Так мы промучились с полчаса и не достигли никакого результата, если не считать того, что хорошо размялись. Потом древко взял я, и уворачиваться теперь пришлось Генриху. Выпады я делал не торопясь, так что и Генриху удавалось успешно уходить от импровизированного копья. Можно сказать, что утренняя зарядка удалась, хотя и не сбылась моя надежда выявить свои суперспособности. Под конец тренировки стало казаться, что моё состояние во время штурма резиденции британского консула было каким-то наваждением, а попытка обнаружить что-то необычное в себе — смешной и нелепой.

В первые дни, во время шторма, я большую часть времени проводил в каюте с Верой. Когда на объятия у нас уже не оставалось сил, мы просто лежали в постели, а я рассказывал сохранившиеся в памяти фантастические рассказы из будущего. Выбирал те, где было поменьше фотонно-плазменных ускорителей и гравитационных пушек. Больше всего Вере понравились истории про Аэлилу Алексея Толстого и беляевского Ариэля.

Перед обедом, как правило, я шёл в каюту к Генриху. Он делал недовольное лицо, хотя я видел, что мой приход его радовал. Я продолжал рассказывать ему разные полезные вещи из области медицины, хотя иногда у нас возникали споры. В один день я рассказал ему о пользе промывания носа соляным раствором. В прошлой жизни у меня была искривлена носовая перегородка. Это принесло частые простуды с соплями, от которых я спасался именно такими промываниями. Но Генрих засомневался.

— Мистер Деклер, но разве человек — рыба? — спросил он.

Это он вспомнил мой рассказ о том, как дышат рыбы. Тогда я рассказывал о потребности человека в кислороде и том, как добывают его другие животные.

— Зачем человеку пропускать воду через нос? — не понимал Генрих.

— К извлечению кислорода из воды это не имеет никакого отношения, — ответил я. — У человека в носу нет органов,

чтобы добыть из воды кислород. Зато в носу скапливается много микробов. Помнишь, я тебе рассказывал?

Генрих кивнул головой.

— Так вот, эти микробы живут в носу, гадят, а солёная вода их убивает, и человек вылечивается.

— Всё равно непонятно, — упирался Генрих. — Человек дышит воздухом. Так?

— Так? — ответил я и порадовался, что у Генриха стали появляться самостоятельные мысли.

Если бы я мог предположить, куда они его приведут!

— Значит, там у нас всё приспособлено для воздуха, — сделал вывод Генрих. — А мы туда — водой! Как хотите, мистер Деклер, а только вред будет.

У меня был в запасе сильный аргумент в этом споре, но я в учебных целях решил продолжить дискуссию.

— Ты знаешь, я, наверное, с тобой соглашусь, Генрих, — сказал я. — Но иногда приходится из двух зол выбирать меньшее.

— Ну да, — ответил Генрих. — Получить от отца подзатыльник или остаться без ужина.

Я хотел посмеяться, но, увидев, что Генрих погрузился, не стал.

— Так вот, когда человек болеет и у него полон нос соплей, то всё это может пойти в голову, и человек может умереть, — подпустил страху я. — Если других лекарств нет, то солёная вода может спасти человека. То есть солёная вода

оказывается меньшим злом.

Мы помолчали.

— Кроме того, — решил подвести итог я. — Давно замечено, что у людей, живущих у моря, редко бывает насморк.

— Почему? — Они купаются в море, нос промывается морской солёной водой, и, таким образом, всё плохое уносится из носа, — ответил я.

— Странно, — сказал Генрих. — Я жил у моря. У меня никогда не было насморка, а в море я купался редко. Вода холодная.

«Трудно общаться с подростками», — подумал я.

Вернувшись в свою каюту, я застал Веру стоящей посреди каюты со стилетом в руках.

Этот инструмент был мне знаком. Тогда я лежал голый и связанный, а Вера примеривалась, как лучше меня заколоть.

— Это не то, что ты думаешь, — сказала Вера.

В этот момент у неё было лицо готового заплакать ребёнка. Губы сжались, брови поднялись, лоб сморщился, а из уголков глаз норовили выскользнуть слёзы.

— Я всё объясню, — Вера помедлила, а потом решилась. — Я больна. Не телом, психически. — Увидев, что я что-то хочу сказать, она замахала руками. — Подожди. Так сказал доктор Вишнеvский. Он был тоже ссыльный, как и мы, но отец его хвалил. Он рекомендовал мне вести огород. — Вера улыбнулась. — Но я занялась рисованием. Мне это всегда

помогало отвлечься от дурных мыслей.

Я подошёл к Вере и обнял её. Её руки безвольно висели по бокам, и стилет мне никак не угрожал.

— А стилет? — Стилет мне подарил брат, — сказала Вера. «Тот, что наёмный убийца», — подумал я. — «Подарок соответствующий».

— Он показал мне, как с ним обращаться, — продолжала Вера, положив свою головку мне на плечо. Одна слезинка всё же выскользнула из её глаз. — Странно, но когда я делаю эти упражнения, мне даже лучше, чем во время рисования.

Вера немного отстранилась от меня.

— Теперь ты будешь считать меня сумасшедшей? — спросила она.

— Даже не подумаю, — сказал я и чмокнул её в губы. — В наше время такими были каждый второй.

Рванный ритм жизни, оторванность от природы, некачественная пища, плохой сон, большие объёмы информации и пропаганды вокруг становились причиной психических расстройств в том мире, который я покинул. Люди наполняли секции по йоге и другим восточным практикам, бегали трусцой, ходили в качалку и часто не за тем, чтобы достичь хорошей физической формы, а для того, чтобы хоть как-то привести в порядок мозги.

— Если тебе нравится, я не против, — сказал я.

— Правда?

— Правда, — сказал я. — Только делай это упражнение

немного по-другому.

Когда я пришёл в каюту, Вера стояла неподвижно посреди комнаты и выбрасывала руку с зажатым стилетом вперёд.

— Попробуй делать то же самое, но с шагом правой ногой вперёд. — Вот так? — Вера сделала шаг и кольнула стилетом пространство перед собой.

Пространство не заметило укола или заметило, но ничего не сказала.

— Так?

— Немного не так. Ты каталась на коньках?

Вера кивнула.

— Представь, что ты скользишь по льду.

Вера повторила движение. Вышло лучше.

— Как хорошо, — сказала она. — У нас рядом с домом был пруд. Зимой он замерзал, и мы катались там на коньках. Я так и представила себя: в этом платье, снежинки вокруг, а я, не чувствуя холода, скольжу с вытянутой рукой, с этим ножиком. Все мальчишки обзавидовались бы.

Вера засмеялась, и мне стало хорошо.

— Пойдём обедать, — сказал я.

— Пойдём, — сказала Вера, положила стилет в футляр, а футляр на стол.

«Раньше она его скрывала. Теперь не будет», — подумал я. — «Зверь укрощён и теперь никому не причинит вреда».

После этого случая Вера уже не скрывала от меня свои за-

нятия со стилетом. Когда мы просыпались, она надевала на ночную рубашку свой лёгкий халатик, повязывала пояс, доставала футляр со стилетом, садилась на стул и ждала, пока я оденусь и уйду на зарядку с Генрихом. Я целовал Веру и смотрел в её зелёные, ещё чуть заспанные глаза.

— Иди, — говорила она. — Мне надо успокоиться. Ночью приснился плохой сон.

Я уходил и по дороге на палубу думал: а зачем я занимаюсь зарядкой? Мне тоже приснился плохой сон?

В общем, я решил ещё раз попытаться почувствовать то, что чувствовал во время нападения японцев-заговорщиков на консульство. Я заранее предупредил Генриха, что задержусь, и утром остался с Верой, чем немного удивил её.

— Солнце моё, — сказал я. — Мне надо кое-что проверить.

Заметив, что она хочет начать расспросы, поспешил добавить:

— Не спрашивай пока, ладно? Потом всё расскажу. Отложи пока стилет.

Я взял у неё из рук нож и положил на стол. Мы стояли друг напротив друга. Она — в своём лёгком одеянии, и я — в своём китайском костюме.

— Толкни меня кулаком, — попросил я. — Так же, как ты колешь стилетом.

Вера улыбнулась и ударила меня своим кулачком в грудь. После Генриха с его палкой это было почти нежно. При этом

Вера слегка качнулась вперёд. Я шагнул вперёд и приобнял её за талию. Её кулачок всё ещё упирался мне в грудь.

— Это что, такая игра? — спросила Вера.

«С молодыми женщинами ещё труднее, чем с подростками», — подумал я.

Вера явно хотела объяснений.

— Помнишь, я рассказывал тебе об инциденте в консульстве? — спросил я.

Вера кивнула.

— До этого я никогда не стрелял в людей, — стал я объяснять. — Вот сейчас я тебе рассказываю, и сам не верю, что это было со мной.

— Так может, это был не ты, а... — в глазах Веры было уже не удивление, а беспокойство.

— Нет. Деклера давно нет, — сказал я. — Есть только я, милая. Это было что-то другое. Это я и хочу проверить.

— Ладно, ещё раз ударить? — Вера сделала шаг назад.

— Да, но только когда я опущу руку, — сказал я.

Я поднял раскрытую ладонь вверх и помахал ею, словно приветствуя Веру.

— Хорошо, — сказала она. — Я жду.

Её лицо стало серьёзным.

И что-то произошло. Я смотрел на Веру, и в который раз меня охватывало чувство радости, что это моя женщина и что никакая другая мне не нужна. Но одновременно я слышал шаги в коридоре и почти видел пожилую даму из сосед-

ней каюты, которая ковыляла на утренний променад на палубу. А ещё слышал все звуки, которые издавал корабль. Вот это пыхтит один из корабельных паровиков, вот это скрипят шарниры рулей, когда их тянут за тросы поворотом штурвала из капитанской рубки. А это чуть кашлянул штурман, а потом его руки снова заскользили по карте, издавая характерное шуршание. Дальше я не стал прислушиваться и опустил руку.

Вера ударила. Нет, я не видел движения её руки, как в замедленном кино. Ничего подобного. Я увидел другое. Я слишком рано шагнул в сторону, и кулачок Веры изменил направление.

«Хитруша, — подумал я. — Ты всё же хочешь попасть в меня. Сделай одолжение».

И подставил грудь под её удар.

— Не получилось? — спросила Вера.

— Давай ещё, — не своим, хриплым голосом сказал я.

Вера снова шагнула назад, а я поднял руку и прислушался. Ничего не изменилось. Звуки и ощущения никуда не ушли. И я опустил руку.

На этот раз я не торопился. Каким-то внутренним чувством я понял, что сейчас кулачок Веры вновь достанет меня. Тогда я шагнул в сторону и развернулся. Это движение сильно отдалось в мышцах, словно кто-то решил их резко и без разминки растянуть. Верин кулачок только чиркнул по моей груди. Вера не ожидала от меня такого подвоха и про-

валилась вперёд. Она, наверное, упала бы, если бы я не подхватил её и не прижал к себе. Мой нос уткнулся в густые волосы девушки, одна из её заколок ткнулась мне в щеку, и посторонние звуки ушли.

— Так не честно, — недовольным голосом сказала моё солнце, развернувшись ко мне. — Как ты это делаешь?

— Не знаю, — честно признался я. — Может быть, благодаря тебе?

— Не подлизывайся, — сказала Вера и слегка оттолкнула меня. — Иди на свою зарядку. Мне тоже надо позаниматься. Я подготовлюсь и в следующий раз не промахнусь.

Я вышел на палубу. Сел на одиноко стоящий стул-шезлонг у трубы.

«Значит, „это“ — не наваждение», — констатировал про себя я. — «„Это“ можно вызывать, и „этим“ можно пользоваться».

От непривычной нагрузки все мышцы тела гудели. Особенно ноги. Я стал кулаками постукивать себя по бёдрам, не обращая внимания на удивлённые взгляды проходящих мимо пассажиров.

«Интересно, чей это подарок? — подумал я. — Деклера? Или... впрочем, какая разница?! Надо сказать „спасибо“ и пользоваться».

— Спасибо, — вслух сказал я.

Подарки всегда получать приятно. Неожиданные — особенно. Правда, когда получаешь такой подарок, почти нико-

гда не приходит в голову, что за него придётся дорого заплатить.

После окончания шторма все потянулись на палубу. По слухам, нам оставалось не больше трёх дней пути. Возможно, поэтому никто из пассажиров не пытался тесно общаться. Поздоровались, обменялись мнениями о погоде и дальше — наматывать круги по палубе.

Джеймс Томпсон, с которым я познакомился ещё на «Пасифике», находился в привилегированном положении. Знакомство с ним длилось чуть больше, чтобы не ограничиваться разговорами про погоду, но всё же чуть меньше, чтобы уже наскучить друг другу. Кроме того, наш небольшой совместный проект также способствовал сближению.

В один из дней я стоял на палубе рядом с Верой. Моё солнце рисовало успокоившееся море, а я любовался и морем, и Верой. Подошёл Томпсон. Поздоровался. Сказал пару комплиментов Вере. Ожидаемо предложил мне сходить вместе с ним в бар. Также ожидаемо получил мой отказ. А потом Томпсон предложил посмотреть на тот экземпляр «Телевизора», который ему по моей модели сделали на «Пасифике», и я согласился.

В каюте бизнесмена было неопрятно. Я бы предпочёл посмотреть «Телевизор» на палубе, но Томпсон секретничал, не хотел до поры времени выносить наше «чудо-устройство» на широкую публику. Вдруг стащат секрет! Ведь «Телеви-

зор» ещё не был даже запатентован.

Механик «Пасифика», к которому Томпсон обратился по моему совету за помощью, постарался на славу. Всё было выполнено из тонкого воронёного железа. Смотрелось солидно и красиво.

— Как вам? — спросил Томпсон.

— Отлично! Такое можно уже продавать, — искренне ответил я, а потом всё же не удержался, подошёл к иллюминатору и открыл его.

Хозяин каюты предпочёл не заметить моего самоуправления.

— Только вот картинка... — сказал Томпсон и скорчил жалостливую гримасу.

Картинка, а вернее бумажная полоса, на которой был изображён кот Том, бегущий за мышонком Джерри, поистрепалась.

«Не бросать же хорошего человека в беде!» — подумал я. Томпсон неплохо заплатил мне за идею и модель «Телевизора». Кроме того, промышленник был любителем поболтать, и от него я узнал много бытовых подробностей из жизни людей девятнадцатого века. Бумага у меня ещё оставалась, поэтому я сказал:

— Я нарисую вам ещё несколько таких полос.

— Сколько это будет стоить?

— Нисколько, — ответил я. Сделать рисунки мне было несложно.

Мы немного поспорили по этому поводу. Томпсон хотел заплатить, а я не хотел мелочиться.

— Ну, если вы так любезны, то не могли бы нарисовать что-нибудь для мужчин? — завёл свою старую песню Томпсон. Ещё на «Пасифике» он обращался ко мне с такой просьбой. Тогда я ему отказал.

Я посмотрел на Томпсона, на его немного мятое и осунувшееся лицо. Видно, шторм он пережил хуже, чем мы с Верой.

— Ладно, — согласился я. — Нарисую.

На следующий день, когда Вера ушла на палубу, я остался в каюте и принялся за работу. Вырезал из бумаги, которой разжился ещё на «Пасифике», несколько длинных полос. Сначала быстро нарисовал бегущих друг за дружкой Тома и Джерри. А потом, покосившись на дверь, стал рисовать «обнажёнку». Обошёлся без деталей. Просто одна фигуристая красотка за десять движений снимала с себя всю одежду и в конце стыдливо прикрывала наиболее интересные части тела.

Всё это время Томпсон ждал меня в каюте.

— Принесли? — спросил он, когда я зашёл в его каюту. — Смотрите.

Томпсон мельком взглянул на Тома и Джерри, кивнул и отложил в сторону, взял второй рисунок.

— О! — сказал Томпсон.

Мне стало приятно. Вот как должен реагировать человек,

увидев выдающееся произведение художника!

— О! — снова повторил Томпсон, быстро заправил полосу с «обнажённой» в «Телевизор» и крутанул цилиндр. «Телевизор» сделал несколько кругов и остановился. Томпсон крутанул ещё раз, потом ещё.

— Нравится? — спросил я.

— Что? — не понял Томпсон.

— Нравится?

— Да, да. Это то, что нужно, — был его ответ.

В последующие дни, до самого прибытия в Гонконг, я не видел Томпсона на палубе. Хотя, скорее всего, мы просто разминулись по времени.

Глава 6. Изумрудная гавань

Наконец, на седьмой день пути «Звезда Востока» бросила якорь в изумрудной гавани Гонконга. Вокруг стояли десятки, а может быть, сотни самых различных кораблей. Европейские парусники, пароходы, большие трёхмачтовые китайские джонки, а вдали дымила парочка броненосцев под британским флагом. Среди всех этих больших кораблей крутились многочисленные лодки и лодочки.

Я с Верой стоял у одного борта, а Генрих носился от одного борта к другому.

— Мистер Деклер, там домов много, — Генрих показывал пальцем в сторону острова. — Зато там, у другого берега, кораблей больше, — это уже Генрих показывал в сторону материка.

Все были возбуждены и радовались, что скоро сойдут на землю. Тереза расстроилась из-за того, что мало что увидела в Йокогаме, поэтому намеревалась провести в Гонконге несколько дней. А вместе с ней и мы. Кроме того, предстояло выяснить, как можно добраться из Гонконга до Калькутты.

Сейчас Тереза в одиночестве стояла у борта судна и смотрела в сторону материка. К нам не подошла. Наверное, не хотела разрушать нашу семейную идиллию. Тактичная. Но кое-кого назвать тактичным было трудно.

— Новые территории были присоединены к Гонконгу от-

носительно недавно, — к нам подошёл Томпсон и на правах уже обжившегося в этих краях человека начал советовать.

— Поэтому лучше всего вам поселиться на острове.

— Рекомендую «Палас отель», — продолжил он. — Небольшой. Располагается повыше на горе, но зато там потише и попрохладнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.